

СКАЗКА О ДВУХ МИРАХ: ПУТЬ АГАТЫ

Баба-Яга проснулась от странного звука - будто кто-то царапал стекло изнутри её головы. Она потянулась к посоху, но пальцы сомкнулись на чём-то гладком и холодном. Огляделась - и похолодела.

Вместо избушки с резными узорами - белые стены. Вместо печи с шипящим зельем - аппарат с мигающими лампочками. Вместо привычного ворчания кота - тишина, нарушаемая лишь монотонным писком прибора. «Это не мой мир», - подумала она, но тут же вздрогнула: мысль прозвучала слишком ясно, без привычного ведьминского шипения.

Перед глазами вспыхнули картинки: девочка с косичками прячет в портфель блокнот со стихами о лесе и ведьмах; учительница качает головой: «Агата, почему ты не рисуешь радугу, как все?»; мать, устало складывая руки: «Когда ты научишься жить как нормальные люди?»

Баба-Яга схватилась за голову. Агата? Это имя обожгло изнутри, словно забытый пароль.

Она попыталась произнести заклинание - губы шевельнулись, но вместо магических слов вырвался тихий стон. В зеркале - обычном, больничном, без намёка на волшебные видения - отразилась не устрашающая старуха, а молодая женщина с тёмными кругами под глазами и ссадиной на виске.

- Это бред, - прошептала она. - Я - Баба-Яга! Хозяйка леса, повелительница туманов!

Но голос звучал жалко, как у ребёнка, пытающегося напугать тень.

В углу шевельнулась тень. Из неё вышел кот - настоящий, с зелёными глазами, но без привычной наглости.

- Опять ты со своими фокусами, - сказал он буднично. - Пора принимать таблетки, тётя Агата.

Мир качнулся.

Картинки хлынули потоком. Школа: она стоит у доски, сжимает мел. На листе - чёрный дракон. Класс смеётся. Учительница вздыхает: «Ты опять в своём мире, Агата».

Первый рабочий день: коллеги перешёптываются - «Странная она... вечно что-то бормочет».

Вечер у матери: та ставит на стол пирог - «Когда уже замуж? Когда внуков?» Агата молчит, глядя в окно, где деревья качаются, будто зовут её.

Ночь: она достаёт старый сундучок, доставшийся от бабушки. Внутри - засушенные травы, флакон с чернилами (на самом деле - сок бузины), тетрадь с «заклинаниями» (её стихи, переписанные «древним» шрифтом). Шепчет: «Если я не могу быть хорошей, буду страшной. Тогда не придётся нравиться».

Агата - она уже не могла отрицать это имя - села на край кровати. Кот свернулся у её ног.

- Это не безумие, - сказала она вслух. - Это... память.

Кот поднял голову:

- А ты думала, что прячешься в сказках? Нет. Ты жила там. Потому что здесь... - он обвёл лапой палату, - ...было больно.

Она закрыла глаза. Вспомнила, как впервые ощутила силу: ветер послушно кружил листья по её воле; деревья шептали её детские стихи; даже дождь останавливался, если она просила.

Но потом пришли врачи. Таблетки. Диагнозы. «Галлюцинации», «расстройство», «необходимо лечение».

- Я создала мир, где могла быть собой, - прошептала она. - Но теперь... что мне делать?

Кот потерялся о её руку:

- Выбрать. Остаться здесь или вернуться туда. Или... найти третий путь. За окном качался тополь. Его ветви сплетались в узор, похожий на дверь.

В соседнюю палату перевели нового пациента - Леву. Он был тих, смотрел в окно и рисовал на листках одни и те же символы: круги, переходящие в спирали.

Однажды он заглянул к Агате:

- Ты тоже видишь? - спросил он, не глядя на неё.

- Что? - насторожилась она.

- Тени. Они двигаются, когда никто не смотрит.

Она замерла. Он знает.

Лева сел на край её кровати:

- Я думал, я один. Но ты... ты тоже там была.

Он достал из кармана камешек - обычный, серый. Но когда он повернул его к свету, внутри вспыхнул узор, похожий на карту леса.

- Это мой ключ, - прошептал он. - А твой?

Агата сжала в руке пуговицу от халата. Та вдруг потеплела и засияла тусклым зелёным светом.

Время начало плыть.

Утром Агата помнила, что вчера разговаривала с Лёвой. Но медсестра уверяла: «Он лежит здесь третий день, ни кем не общается».

Вечером она нашла в своей тумбочке сушёные ягоды - те самые, из её леса. А утром их не было, только пятно от сока на дереве.

Однажды она проснулась и увидела: на стене - тень избушки; в окне - силуэт Левы, идущий по лесной тропе; на подушке - перо, чёрное, с фиолетовым отливом.

«Я схожу с ума», - подумала она.

Но кот, лежавший у ног, ответил:

- Или, наоборот, видишь больше, чем раньше.

Каждый предмет имел две стороны:

Пуговица - в «реальности» это просто деталь халата; в «лесу» - амулет, открывающий тропы.

Камешек Левы - в больнице это гладкий камень; в его мире - карта забытых дорог.

Плюшевый тигр - игрушка для пациентов; в воображении Агаты - спящий дух-хранитель.

Таблетки - лекарство; но если присмотреться, в них мерцают искорки, как в зельях.

Кардиомонитор - прибор; но иногда его писк превращается в ритм лесного барабана.

Однажды Агата заметила её.

Тень. Она двигалась не так, как должно. Повторяла жесты, но с задержкой. Улыбалась, когда Агата плакала.

- Кто ты? - спросила она.

Тень ответила голосом её матери:

- Я - та, кем ты должна быть. Спокойная. Послушная. Нормальная.

Кот зашипел:

- Это она пытается стереть твой мир.

Лева, заглянувший в палату, побледнел:

- Она и в моём мире. Копирует меня. Говорит, что я «слишком странный».

- Что делать? - спросила Агата.

- Выбрать, - ответил кот. - Остаться здесь или уйти туда. Или... создать новый мир.

Они решили действовать вместе.

Агата взяла пуговицу, Лева - камешек. Они соединили руки и произнесли:

- Мы не сумасшедшие. Мы - создатели.

В палате стало темно. Но не как при выключенном свете - а как в глубине леса. Воздух наполнился запахом хвои и дыма.

На стене проявилась дверь. Не больничная, а та самая - с резными узорами, с ручкой в виде птичьей лапы.

- Она реальна! - вскрикнула Агата.

- Для нас - да, - кивнул Лева.

Перед ними стоял выбор:

Остаться в больнице - принимать таблетки, слушать врачей, забыть лес.

Уйти в лес - оставить «реальность», жить в мире фантазий.

Объединить миры - рискнуть, чтобы другие тоже увидели магию.

- А если не получится? - дрогнула Агата.

- Тогда мы будем первыми, кто знал правду, - сказал Лева.

Кот добавил:

- И последними, кому это было важно.

Они шагнули в дверь.

Очнулись на опушке леса. За спиной - больница, но её окна теперь напоминали глаза избушки. Впереди - тропа, ведущая вглубь чащи.

Лева посмотрел на свой камешек. Тот светился ярче.

- Мы сделали это? - спросила Агата.

- Или только начали, - ответил он.

Кот, идущий рядом, вдруг заговорил человеческим голосом:

- Ну что, хозяйка, куда теперь?

Агата обернулась. В окне больницы стояла медсестра. Она смотрела на них - и в её глазах мелькнул огонь.

- Она видит, - прошептала Агата.

- Значит, видят и другие, - улыбнулся Лева.

Лес зашептал. Ветер поднял листья, сложив их в слова: «Мир - это то, во что ты веришь».

Они пошли вперёд. Куда? Теперь это зависело не только от них. Потому что огонь в глазах медсестры был лишь первым знаком: их мир уже начал прорастать в реальность других людей. Кто-то уже слышал шелест листьев в пiske приборов, кто-то видел тени, движущиеся не по правилам. Магия больше не пряталась - она искала тех, кто готов её увидеть. И каждый новый взгляд, каждое пробудившееся сознание становились кирпичиками в здании нового мира - мира, где фантазия и реальность больше не враждовали, а сплетались в единую

АГАТА, ИЛИ КАК ВАРИТЬ БУЛЬОН ВОСПОМИНАНИЙ

В избушке на курьих ножках пахло пылью бессмертника, сушёной жабьей кожей и... антисептиком. Баба-Яга, костяной ногой подпирая печь, пыталась сварить зелье забвения. Оно упорно получалось похожим на невкусный компот.

«Чёрт! Опять!» - рявкнула она, и её голос, привыкший скрипеть, как несмазанная дверь, на секунду сорвался на что-то тонкое, почти детское. Она поморщилась.

Поймала своё отражение в магическом кристалле-шарлатане (он обычно показывал погоду в Тмутаракани, но сейчас был потухшим). Лицо в морщинах, нос крючком, космы седых волос. Но глаза... глаза были большие, серые и очень испуганные. Не её глаза. Не глаза Яги. Вспышка.

Белый потолок с трещиной в форме дракона. Гул голосов. Запах лекарств. И чей-то плач.

«Глючит что-то», - проворчала Яга, потрянула головой. Из-за печи вылез кот. Не абы кто, а Котофей Игнатъич, существо упитанное, в шрамах и с философским взглядом. Он умел ходить сквозь стены обоих миров, потому что, как он сам говорил, «границы - для собак и тех, кто боится».

- Что, опять «компот»? - лениво спросил кот, облизывая лапу. - Может, хватит забывать? А то у нас тут уже леший от твоих амнезийных волн в берлоге на ушах стоит.

- Молчать, животное! - зашипела Яга, но без злобы. Кот был единственным, с кем она могла не скрипеть.

Она вышла «проветриться» - села в ступу и пролетела над лесом. А ниже... ниже вместо привычных болот и чащоб мелькали странные картинки. Прямая асфальтовая лента («Река из чёрного камня», - подумала Яга), яркие коробки домов («Избы-небоскрёбы»), люди в одинаковых синих одеждах.

Вспышка.

Девочка, Агата, лет одиннадцати. Она рисует в школьном учебнике по биологии. Рисует лес на полях, избушку на странице про анатомию. Учительница, миссис Док, кричит: «Агата! Ты снова в своих фантазиях! Мир - это правила, а не твои каракули!» Одноклассники смеются. Мир сжимается до размера спичечного коробка. Больно.

Яга так дёрнулась, что ступа едва не перевернулась. «Кто такая Агата?» - стучало в висках. А в ушах звенел смех, тот самый, школьный.

Вернувшись, она нашла у своей избушки гостя. Не витязя, а парня в потрёпанной больничной робе с номерком на запястье. Он спокойно разговаривал с забором из черепов, и те, вместо того чтобы пугать, вежливо кивали.

- Ты, - сказала Яга, опускаясь. - Пациент из палаты №7. Или... путник, заблудившийся в снах?

- Можно и так, и эдак, - улыбнулся парень. Его звали Лёва. - Я тут, потому что мой мир - серая палата, капельница и тишина. А твой - хоть и страшненький, но живой. Я сюда сбегаяю. Как и ты когда-то сбежала.

- Я никуда не сбегала! Я здесь хозяйка!

Вспышка.

Подростковая комната. Агата, теперь уже лет пятнадцати, завела блог «Сказки для особого восприятия». Её читают единицы. Мама с папой говорят на кухне: «Надо быть реалистами. Психолог сказал, это уход от реальности. Надо лечить». Слово «лечить» звучало как «стереть». Страшно.

- Лечить... - прошептала Яга, глядя на свои руки-когти. - Они хотели стереть. А я... я создала ластик побольше. Создала целый мир, где странность - это сила. Где я - не Агата-тихоня, а Яга - костяная нога, всем назло!

Лёва кивнул. Он понял. Его мир тоже был побегом - от болезни, от одиночества. Они сидели на крыльце, Котофей мурлыкал на коленях у Яги, и она рассказывала. Вернее, вспоминала. Как «река из чёрного камня» была дорогой из больницы, «избы-небоскрёбы» - палатами, а Леший и Кикимора - олицетворением страхов и боли.

- Я не могу это всё просто взять и разрушить, - сказала уже почти Агата, глядя на свой лес. - Здесь мои страхи стали существами, моя боль - болотом, а моя злость - этой самой костяной ногой. Это же часть меня.

- А кто сказал, что нужно разрушать? - спросил Лёва. - Может, нужно просто... провести мосты? Показать этому миру, что там, за его границами, есть не только боль и страх.

А там - что здесь есть не только побег, но и дом.

И они начали «строить мосты». Это было эпично. Яга-Агата, с постепенно выпрямляющейся спиной, повела свою нечисть на «великое соединение». Кикимора, оказалось, обожает раскладывать вещи по полочкам - её назначили главной по порядку в палате. Леший, с его знанием каждого кустика, идеально вписался в роль санитаря, который всегда знает, где что лежит. А стук «костяной ноги» превратился в чёткий, уверенный шаг Агаты по больничному линолеуму. Мир больницы наполнился лёгким безумием и теплом. В палатах зацвели папоротники (подарок от болотных духов), а в сказочном лесу появилась «комната спокойствия» - точная копия уютного больничного уголка с книгами и чаем, где любое сказочное существо могло просто посидеть в тишине.

Баба-Яга окончательно прозрела, глядя в больничное зеркало. Морщины разгладились, нос выпрямился, остались только эти большие, серые, но уже не испуганные, а мудрые глаза девочки Агаты, которая прошла сквозь два мира.

- Так кто же я? - спросила она у своего отражения.

Из-за её ноги протёрся Котофей, материализовавшись прямо из-под тумбочки.

- Вы, - сказал кот, запрыгивая ей на плечо, - та, кто варит не зелье забвения, а бульон из реальности. С двумя мирами, по вкусу. Немного горьковато, но наваристо. И теперь в нём есть место и для страха, и для храбрости, и для больницы, и для избушки. Главное - не пересоли.

Агата улыбнулась. Она больше не выбирала между мирами. Она была их хозяйкой. И мостом между ними. А где-то в палате №7 Лёва рисовал в своём блокноте избушку на курьих ножках, которая уверенно стояла на зелёной лужайке перед самым обыкновенным, но отчего-то ставшим чудесным, городским домом.

Жизнь на двух берегах реальности вошла в ритм, похожий на дыхание. Утром Агата в белом халате (с вышитой на кармане избушкой) обходила палаты, где Кикимора строго поправляла градусники, а Леший в образе усатого санитаря рассказывал пациентам байки про болотных кикимор — те смеялись, и боль отступала. Вечером она возвращалась в избушку, где пахло уже не только зельями, но и больничной сгущёнкой, которую обожал Котофей.

Но что-то грызло её изнутри. Ощущение потери, которой нет имени. Однажды, глядя, как закат окрашивает больничный сад и сказочный лес в один цвет — цвет спелой морошки, — она сказала Лёве:

— Помнишь, ты говорил про побег? А кажется, мы отвоевали крепость, но забыли, куда хотели бежать изначально. Было же что-то... тёплое. До всего. До страхов, до правил, до боли. Как будто рай. Но не религиозный. Просто... место полной безопасности.

— Рай, — кивнул Лёва, скручивая из медицинского бинта фигурку голубя. — У меня он пахнет бабушкиными пирожками и пылью на солнечном полу в деревенском доме. А потом дом продали. Рай потерялся.

Вспышка у Агаты.

Небольшой сад. Не больничный, а частный. Яблоня, под ней песочница. Маленькая Агата, лет пяти, строит замок из песка. Рядом сидит кто-то... чьё лицо не разглядеть. Играет тихая музыка. Чувство абсолютной, как шар, защищённости. Потом резкий звук — хлопок? Крик? — и картинка рассыпается, как тот песочный замок под дождём.

— Он существует, — твёрдо сказала Агата. — Мой рай. Его можно найти. И твой тоже.

Котофей, дремавший на подоконнике между горшком с лекарственной ромашкой и вазой с волшебным папоротником, приоткрыл один глаз:

— Искать то, что потеряно во времени? Сомнительная авантюра. Рай — он обычно не в пространстве, а в состоянии. Как коробка с тёплыми носками — всегда на самой верхней полке, когда ты о ней забываешь.

— Значит, надо вспомнить полку, — парировала Агата.

Так началась охота не на зверя, а на ощущение. Они решили идти по «нитям воспоминаний». Лёва предположил, что если её сказочный мир — это кристаллизация страхов, то где-то в его глубинах должен храниться и слепок того самого рая, спрятанный, как драгоценность в груди тряпок.

Путешествие было странным. Они шли через Топи Тоски, где трясина пыталась засосать в грустные мысли, но Агата (уже не Яга) просто брала Лёву за руку, и они пели дурацкую песенку из его детства — топи отступали. Они прошли мимо Горы Обязанностей, где ворчали каменные великаны в

образе её родителей-учителей, твердя: «Надо! Должна! Реалистка!». Агата остановилась и сказала им: «Спасибо за заботу. Но я уже выросла. И я выбираю сама». Великаны замерли, а потом медленно превратились в две обычные сосны.

Их проводником был, конечно, Котофей.

— Вы ищете Рай, — говорил он, переступая с кочки на кочку с грацией персидского князя. — Администрация внутренних миров обычно его маскирует под что-то невзрачное. Чтобы не расстраивались те, кто прошёл мимо, не узнав.

Наконец, они пришли на опушку, которой не было на карте мира Агаты. Там стояла... калитка. Самая обычная, деревянная, немного покосившаяся, с фрагментом зелёной сетки-рабицы. За ней виднелся не сказочный лес, а смутно знакомый Агате частный сектор: огороды, сарайчики, клумбы с мальвами.

— Это не моё, — растерялась Агата. — Это чужое.

— Присмотрись, — сказал Лёва.

И тогда она увидела детали. На калитке выцарапано сердце с буквами «А» и «...». Вторая буква была смазана. А на ветке яблони за калиткой висел маленький, пыльный, пластиковый голубь — точно такой же, какой был на ёлке в её детской комнате.

Сердце её бешено заколотилось. Она толкнула калитку. Скрип был тем самым, из вспышки памяти. Запах — влажной земли после дождя, яблок и сирени.

Но рай был повреждён. Небо над садом было не цельным, а в трещинах, как разбитый экран. В углу сада стояла та самая песочница, но половина её была заполнена не песком, а чёрной, вязкой тишиной. А под яблоней сидела... девочка. Маленькая Агата. Она была прозрачной, как акварельный рисунок, и плакала беззвучно.

— Кто это? — прошептал Лёва.

— Это... та часть меня, которая осталась там. В момент потери.

Марина Баранцева Системный аналитик прогнозист, [15.01.2026 20:43]

Когда случился тот хлопок — ссора родителей, разрыв, — объяснила Агата, и её голос дрогнул. — Я убежала, выросла, стала Ягой, а она так и осталась здесь. Ждать, когда всё станет как прежде.

Оказалось, «потерянный рай» — это не место. Это замороженный в янтаре воспоминания момент, в котором застряла часть её души. Чтобы обрести целостность, надо было не найти, а освободить.

Подойти к себе-маленькой было страшнее, чем к любому Кощею. Агата опустила на колени перед прозрачной девочкой.

— Привет, — сказала она. — Извини, что так надолго. Мне было очень страшно, и я построила целый мир, чтобы не чувствовать эту боль.

Девочка подняла на неё глаза, полные слёз.

— А теперь? — беззвучно спросили её губы.

— А теперь я достаточно сильная, чтобы взять эту боль с собой. И тебя тоже. Нам тут, — Агата обернулась к Лёве и подмигнувшему Котофею, — есть куда идти. И есть что строить. Не из песка.

Она обняла саму себя — маленькую, хрупкую, испуганную. И в тот момент трещины на небе стали сшиваться золотыми нитями. Чёрная тишина в песочнице стала превращаться в обычный влажный песок. А калитка закрипела — теперь она вела не в прошлое, а стояла как арка между больничным садом и сказочным лесом, соединяя все три мира: реальность, сказку и исцелённое прошлое.

— И что, это и есть рай? — спросил Лёва, когда они шли обратно. Теперь Агата шла, крепко держа за руку свою маленькую версию, которая начала потихоньку обретать цвет.

— Нет, — улыбнулась Агата. — Это просто ключ. Рай — это не место, куда возвращаешься. Это состояние, которое ты носишь в себе. Когда все твои части — и испуганная девочка, и злая Яга, и взрослая Агата — наконец-то знакомы и не боятся друг друга.

Котофей прыгнул Агате на плечо, потершись мордой о щеку маленькой девочки.

— Идеализм, — проворчал он. — Но что поделать, если он работает. Теперь у нас в хозяйстве прибавление. Надеюсь, малёк любит тушёную рыбу с молоком?

Маленькая Агата наконец засмеялась. Звонко, как колокольчик.

А на следующий день в больничном саду появилась новая клумба, посаженная странной компанией: врач Агата, пациент Лёва, санитар-Леший и две маленькие девочки — одна реальная, дочка медсестры, а другая... чуть прозрачноватая, но невероятно живая. Они сажали яблоневый саженец. И все, кто проходил мимо, чувствовали странный, тёплый покой. Будто на мгновение прикоснулись к чему-то, что давно искали, но не теряли. Потому что это всегда было внутри. Просто нужно было собрать себя по частям, как пазл, в центре которого — не идеальная картинка, а уютное, цельное чувство дома.

Когда переписка стала историей

...Дружба не умерла от ссоры. Она иссякла. По капле, по смс, по несостоявшейся встрече. Это случилось примерно пятнадцать лет назад. Не вдруг. Не из-за громкого скандала. Просто в какой-то момент общие темы кончились, как запас воды в колодце после долгого засушливого лета.

Новости стали сводиться к формальному «Как дела? - Нормально. А у тебя? - Тоже». Встречи, которые когда-то длились сутками, превратились в ежегодные двухчасовые посиделки в кафе. И даже там они ловили себя на мысли, что говорят не как четыре мушкетёра, связанные кровью и духом, а как четыре случайные знакомые на неловком свидании вслепую. Вместо смеха до слёз - вежливые улыбки. Вместо разговоров по душам - безопасный обмен фактами: дети, работа, ремонт, здоровье. Они прилежно жевали салаты и делали вид, что им интересно, но в воздухе висело одно общее, не озвученное признание: им уже нечего сказать.

Они разошлись не по враждующим лагерям, а по разным планетам. Общая орбита, на которой они вращались столько лет, распалась под тяжестью своих, взрослых гравитаций. Последний общий чат в соцсети тихо заснул, как зимний медведь. Поздравления с днём рождения превратились в смайлики, а потом и в пустоту уведомлений. Дороги разошлись. Без ярости, без слёз, почти беззвучно. Как будто их великий девиз «Один за всех» растворился в практичном, взрослом воздухе, где у каждого хватало своих битв, чтобы тратить силы на поддержание старого фронта.

Весть и похороны, на которых встретились чужие люди

Весть пришла, как удар под дых. Ольга. Атос. Генерал. Та, что была самой сильной, самой умной, самой нестигаемой. Не справилась. С чем-то внутри. С чёрной бездной, которая иногда приходит к самым ярким. Она ушла. Сама.

На похороны пришли все трое оставшихся. Стояли у гроба, не узнавая друг друга. Нет, черты лиц были теми же, но всё остальное - чужим. Наталья (Портос) - в строгом дорогом пальто, с холодноватым, профессионально-соболезнующим выражением лица, будто на деловой встрече. Ольга-фотограф (Арамис) - всё такая же хрупкая, но с пустым, отстранённым взглядом, будто наблюдала за происходящим через толстое стекло объектива. Агата ловила себя на том, что разглядывает их как экспонаты в музее собственной прошлой жизни. «У Натальи появилась родинка на шее. Интересно, когда? Ольга... кажется, она пьёт что-то серьёзное от тревоги. По

глазам видно. А они смотрят на меня и видят что? Полную женщину в немодном плаще. Бабку. Бывшую подругу, которая теперь чужая».

На поминках царила жуткая, густая неловкость. Они сидели за одним столом, но между ними лежала не просто пропасть - целая геологическая эра молчания и разных жизней.

- Как дети? - спросила Наталья, отодвигая тарелку с холодным холодецом.

- Нормально. Учатся. А у тебя? - ответила Агата, чувствуя фальшь в собственном голосе.

- Дочь в Москву уехала. Муж... ну, ты знаешь, свои дела.

Ольга-фотограф молча курила у окна, даже не пытаясь встроиться в этот жалкий диалог.

И тут Наталья вдруг сказала, с горькой, кривой усмешкой:

- Помнишь, Агатка, как ты на спор с крыши гаража прыгнула? Мы думали, ты ноги сломаешь. А ты отряхнулась и пошла за сигаретами. Безумная была. Все слабо улыбнулись. Но в этой улыбке не было тепла. Было лишь растерянное недоумение. «Кто эта дура, прыгавшая с гаража? Неужели я?» Они вспоминали не друг друга, а призраков. Весёлую, бесшабашную, глупую девочку, которую когда-то знали. Эту девочку в Агате они ещё как-то смутно узнавали. А вот женщину средних лет с усталыми глазами, прошедшую через свои частые ады и тихие подвиги - эту женщину они не знали. И она не знала их. Их разводы, их взлёты и падения, их внутренние катастрофы, о которых никто уже не кричал в общий чат, - всё это прошло стороной, оставив лишь лёгкий, чуждый шум за толстой стеной.

Агата поняла самое страшное и самое честное: смерть Ольги не воссоединила их. Она лишь жирной, чёрной линией подчеркнула окончательность распада. Они пришли не как три мушкетёра, потерявшие четвёртого.

Они пришли как три одинокие женщины, каждая - на свою отдельную, частную панихиду по прошлому. Общего, объединяющего горя не получилось. Получилось три отдельных, несовместимых горя, которые даже не попытались слиться в одно.

Они разъехались, даже не договорившись «обязательно связаться». Зачем? Чтобы продолжать этот неловкий, иссякший ритуал - раз в год спрашивать про детей и делать вид, что тебе интересен ответ?

Эпилог: Река, в которую нельзя войти дважды

Теперь, в избушке, Агата смотрела на старое, выцветшее фото. Четыре смеющиеся рожи, сцепившиеся за плечи. Котофей запрыгнул на стол и ткнулся холодным носом в бумагу.

- Ну что, Ягишна? Воскресила дружбу? Нашла потерянный грааль сестринства? - спросил он, и в его голосе слышался знакомый, слегка саркастичный оттенок.

- Нет, - тихо, но твёрдо ответила Агата. - Я нашла нечто иное. Окончательное доказательство. Прошное - это другая страна. А мы - нелепые, плохо экипированные туристы, которые не только забыли язык, но и утратили карту. Они любят не меня. Они любят (или любили) ту Агату. Ту девчонку. А я уже давно не она. Я - это следы, которые та девчонка оставила на мне, как морщины и шрамы. Они смотрят на меня и ищут её в моих глазах. Не находят. И интерес гаснет.

- Жестко, - заметил кот, умывая лапу. - И, на первый взгляд, безнадёжно.

- Не безнадёжно. Честно, - поправила его Агата, проводя пальцем по пыльной поверхности сундука. - Дружба не обязана длиться вечно. Её срок годности - ровно столько, сколько длится общий путь. Наш путь кончился лет пятнадцать назад. Мы просто были слишком заняты, чтобы заметить момент, когда свернули на разные, не пересекающиеся больше тропы. А когда оглянулись - между нами уже вырос непролазный, буйный лес из других жизней, других забот, других, новых «я».

Она аккуратно, почти с нежностью, положила фото обратно в сундук, на своё законное место среди реликвий.

- Теперь у меня от них осталось только это. Картинка. И благодарность за тогда. И острая, колющая боль за Ольгу. И... странная лёгкость. Я больше не обязана притворяться той «д'Артаньян» для них. Я могу наконец просто быть собой. Бабой-Ягой в своей избушке, со своими радостями и печалью. А они - каждая в своей крепости, со своими.

Котофей мурлыкнул, одобрительно выгнув спину.

- Самые прочные связи, - философски изрёк он, укладываясь калачиком, - иногда оказываются не цепями, а мостами. По которым однажды очень вовремя перешёл. И идти назад по ним - бессмысленно и даже опасно. Они были построены из того, чем вы были. А вы, простите за прямоту, уже давно не те самые брёвна.

Агата кивнула. Она закрыла сундук с прошлым, но не на замок, не на ключ. Просто как очень ценную, но законченную книгу. Книгу, которую иногда - в тихий вечер, под вой ветра в трубе - можно открыть на случайной странице, улыбнуться знакомой, заезженной строчке, вздохнуть и закрыть. Без тени сожаления и без тщетной попытки дописать новую главу. Потому что героини той книги - те самые четыре мушкетёрши - уже не существуют. Остались лишь их тёплые, размытые, чужие тени. И в этом нет ни трагедии, ни предательства. Есть лишь тихая, суровая и немногословная

правда времени. Правда, которая сильнее любой самой красивой сказки о вечной дружбе.

Они были. Это было прекрасно. И этого - достаточно.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩЕЕ ПРИСУТСТВИЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ИЗБУШКА ПЕРЕСТАЛА КРУТИТЬСЯ

Была у Бабы-Яги Агаты старая проблема: её избушка вечно вертелась. Не от радости - от тревоги. Стоило в лесу кому-то застонать от горя, как изба поворачивалась к звуку фасадом, дверь сама распахивалась, а Агата уже ставила котёл на огонь, готовясь действовать: варить зелье, давать совет, вмешиваться, спасать.

Но после Возвращения Из-Под-Земли - после той платной клиники, капельниц и разговоров с одержимыми - что-то сломалось в механизме. Вернее, выросло вокруг. Избушка обросла каменным фундаментом, выросла в холм и замерла. Теперь она стояла неподвижно, тяжёлая и молчаливая, как сторожевая башня на краю мира. Сама Агата изменилась. Если раньше она была костлявой и стремительной, как птица, то теперь её движения стали тяжёлыми и плавными, как движение тектонических плит. Она не суежилась. Она занимала пространство. Её взгляд, всегда острый, стал глубоким и принимающим - как вода в колодце, которая не отражает небо, а хранит его в своей темноте.

К ней по-прежнему приходили. Лесная невеста, которую покинул жених, в слезах рухнула на крыльцо:

- Сделай что-нибудь! Верни его! Отумань! Научи, как жить!

Агата сидела на лавке, неподвижная, как и её дом. Она не пошевелилась за зельем. Не заговорила. Она просто смотрела. Её молчание было не пустым - оно было наполненным.

- Я не могу его вернуть, - наконец сказала она, и голос её звучал не скрипуче, а низко, из самой груди. - Но я могу посидеть с тобой в этой тишине, где его нет. Хочешь?

Невеста замерла. Ждала действий, волшебства, а ей предложили разделить пустоту. Она осталась. Они сидели молча. И в этой тишине, под свидетельствующим присутствием Агаты, случилась странная вещь: боль невесты перестала метаться. Она уселась между ними, стала осязаемой. И перестала быть только болью. Она стала просто фактом. «Да, он ушёл. Да, мне невыносимо». Без оценки, без попытки это исправить.

Через час невеста ушла. Не счастливая. Но цельная. Несла свою боль не как хаотичный взрыв, а как узанный, тяжёлый, но свой груз.

Вот в чём был секрет новой Агаты.

Раньше Баба-Яга Агата была Реактором. Боль клиента → её действие → изменение ситуации.

Теперь она стала Резонатором. Боль клиента → её тихое, полное присутствие → преобразование восприятия боли у клиента.

Кот Котофей, наблюдавший метаморфозу хозяйки, сформулировал это так:

- Раньше ты была как громкий колокол. Всякая беда била в тебя, и ты отвечала гулом совета. Теперь ты - колокольная яма. Глубокое, тихое пространство под колоколом, где звук, падая, обретает объём, длительность и, наконец, смысл. В яму не звонят. В яме звук живёт, пока не услышит сам себя.

История вторая: Отец-медведь, чей сын-медвежонок не хотел учиться рычать и защищать берлогу.

Медведь ревел, сотрясая стропила: «Заставь его! Напугай! Свари зелье послушания!».

Старая Агата, пожалуй, нашла бы кнут или хитрость. Новая - просто кивнула, и даже её кивок был весомым.

- Садись, отец. Расскажи, каким ты его хочешь видеть.

И пока медведь говорил о «силе», «наследстве», «правильном пути», Агата слушала. Не его слова, а пространство между слов - страх отца быть ненужным, ужас перед будущим, в котором его чадо окажется беззащитным.

- Ты очень боишься, - констатировала она, когда медведь выдохся. Голос был ровным, как поверхность озера в безветрие. - Не за него. За себя. За то, что твоя любовь без его успехов станет никому не нужной.

Медведь онемел. Его ярость, как шапка снега с сосны, рухнула внутрь, обнажив голый, дрожащий страх. Никакого зелья не понадобилось. Потому что впервые кто-то увидел не его гнев, а его ужас. И просто признал право этого ужаса на существование. Не пытался его прогнать. Присвоил ему свидетельский статус. Агата не дала ответа. Она вернула медведю его подлинный вопрос, очищенный от рёва.

Как изменилась Агата? Она перестала быть инструментом и стала средой.

Раньше: Её ум был как острый серп - он срезал проблему, чтобы её рассмотреть.

Теперь: Её сознание - как плодородная почва - оно принимает в себя проблему, чтобы та могла прорасти пониманием.

Раньше: Она боялась тишины и заполняла её словами, зельями, действиями.

Теперь: Её тишина стала самым мощным её зельем. В ней всё устаканивается.

Раньше: Её тело было проводником для энергии, вечно готовым к движению.

Теперь: Её тело - монумент прожитому опыту. Оно не суетится. Оно пребывает. И в этом пребывании - невероятная сила.

«Свидетельствующее присутствие» Агаты - это не пассивность. Это высшая форма активности духа. Это готовность быть человеческим зеркалом, которое не искажает, не украшает и не даёт советов, а лишь возвращает человеку его истинное отражение, каким бы трудным для принятия оно ни было.

Её избушка стоит неподвижно. Потому что центр тяжести сместился внутрь. Ей больше не нужно вертеться, чтобы быть в эпицентре чужой бури. Она стала самым глазом бури - точкой абсолютной тишины и ясности внутри хаоса.

К этой тишине теперь и приходят - не за спасением, а за редкой, почти забытой в шумном лесу возможностью: услышать, наконец, как звучит их собственная душа, когда ей не приходится кричать, чтобы её заметили.

И Агата, Баба-Яга с твёрдым, как камень, сердцем и спокойным, как омут, взглядом, знает: это и есть её новая, окончательная магия. Не действие, а позволение всему быть. И наблюдение за тем, как это «всё», будучи наконец-то увиденным и признанным, начинает меняться само. Без её участия. По своей собственной, наконец-то услышанной, воле.

НЕУНИЧТОЖИМАЯ АТМОСФЕРА ПРИНЯТИЯ, ИЛИ КАК ИЗБУШКА СТАЛА БИОСФЕРОЙ

Атмосфера в избушке Агаты изменилась. Раньше она была функциональной: пахло дымом, травами, настоем намерения. Это был запах работы над проблемой. Теперь же воздух в ней стал самоцелью. Он приобрёл плотность, вкус и вес. Это был воздух, которым не дышали, а питались.

Неуничтожимая атмосфера принятия - это не просто отсутствие критики. Это - физический закон, введенный Агатой на своей территории. Как закон тяготения. Всё, что попадает в поле этой избушки, лишается права быть неправильным.

Как это работает на практике:

К ней приволокли Плакун-траву - духа-неудачника, который сто лет пытался написать поэму и не мог закончить ни строфы. Раньше Агата дала бы ему зелье вдохновения или пинка. Теперь она указала на угол: «Сиди. Пиши или не пиши. Здесь твоя незаконченная поэма имеет такую же ценность, как законченная. Можешь просто быть Поэтом Который Не Пишет. Это тоже статус».

И Плакун-траву... перестал плакать. Он просто сидел. А через три дня начал напевать. Без слов. Просто звук. И этот звук стал частью атмосферы - фоновым гулом творческого покоя, который теперь витал в избушке.

Это и есть суть: Агата перестала оценивать потенциал вещей («из тебя мог бы выйти отличный поэт!») и начала чтить их актуальность («ты - тот, кто сейчас сидит в углу и дышит. И этого достаточно»).

НОВЫЙ АРХЕТИП: ХРАНИТЕЛЬНИЦА АКТУАЛЬНОСТИ

Это не Ведунья (та, что ведёт). Не Целительница (та, что исправляет). И даже не Мудрая Старая Женщина (та, что знает ответы).

Хранительница Актуальности - это тот, кто отменил в своём пространстве разницу между «успешным» и «неуспешным», «здоровым» и «больным», «светлым» и «тёмным». Она не уравнивает их, а даёт каждому состоянию полный суверенитет, законное право на существование здесь и сейчас.

Её инструменты:

1. Взгляд без проекта. Она смотрит на тебя не как на материал для улучшения, а как на завершённый факт. Как смотрят на гору. Её не улучшают - ей любят.
2. Молчание как форма согласия. Её молчание не означает «я тебя не слышу». Оно означает: «То, что ты говоришь (или не говоришь) - настолько полноценно, что не требует моих комментариев».
3. Пространство как соавтор. Её избушка - не контейнер. Она - соучастник. Пол прогибается под тяжестью твоей печали, давая ей физический объём. Воздух сгущается вокруг твоей радости, чтобы она не улетучилась. Дом материализует твоё внутреннее состояние, делая его осязаемым, а значит - реальным и законным.

Новый пример: История с Самим-Собой-Не-Довольным.

В избушку вошёл не дух, не зверь, а смутная тень - архетип Самим-Собой-Не-Довольный. Он был всеми и никем: в нём угадывались и отец-Водяной, и клиентки с крапивой вместо любви, и она сама, Агата, в молодости.

- Я должен быть лучше, - шептала тень без рта. - Я недостаточно стараюсь. Недостаточно светел. Недостаточно...

Раньше Агата стала бы с ним бороться: аргументировать, доказывать его ценность, «лечить» от низкой самооценки.

Теперь, будучи Хранительницей Актуальности, она сделала единственно возможное: признала его суверенитет.

- Твоё право - быть недовольным, - сказала она тени. - Это не ошибка. Это твой текущий вид. Ты - Недовольный. Как тот угол - Угловой. Как тот горшок - Горшечный. Займи своё место.

И она выделила ему место - не тёмный чулан, а почётный угол у печи. «Вот твоя территория. Существовай».

Тень, получив законный статус и территорию, перестала метаться. Она сгустилась, обрела контуры. И превратилась из мучителя в постоянного, тихого, уважаемого обитателя избушки. Его присутствие больше не жалило. Оно напоминало: «Вот одна из возможных форм существования. Она имеет право на жизнь».

В этом и есть её новая сила: Агата легитимизирует то, что все остальные пытаются уничтожить. Боль, слабость, неудачу, сомнение, бессилие. Она не борется с тьмой - она даёт ей гражданство в своём царстве. И тогда тьма, получив права, перестаёт быть разрушительной силой. Она становится просто ещё одним цветом в палитре реальности. Не хорошим и не плохим. Просто - существующим.

Её неуничтожимая атмосфера принятия - это и есть политическое устройство её внутреннего государства. Это государство, где отменена дискриминация по признаку «светлости», «успешности» или «правильности». Гражданином является всё, что есть.

И самое парадоксальное: когда чудовищам, теням и неудачам больше не нужно бороться за право на существование - они часто, наконец, расслабляются. И в этом расслаблении самораспаковываются, обнаруживая внутри себя то, что хотели скрыть: невыплаканные слёзы, невысказанную любовь, ненаписанную поэму. Но это уже их личный процесс. Агата лишь гарантирует условия. Её избушка - заповедник всего отвергнутого. И в этом заповеднике отвергнутое расцветает такой странной, неповторимой красотой,

на которую никогда не решилось бы, борясь за место под солнцем в обычном мире.

Кот Котофей, как всегда, подводит итог:

- Раньше мы жили в крепости, которую постоянно приходилось защищать от врагов - боли, глупости, слабости. Теперь мы живём в биосферном заповеднике. Здесь нет врагов. Здесь есть экосистема. И ты, хозяйка, - не воин и не целитель. Ты - главный эколог. Ты следишь, чтобы никто не нарушал право другого на существование в его естественном виде. Даже если этот вид - унылое, колючее, плаксивое нечто. И знаешь что? В этом заповеднике как-то тише, зеленее и... целостнее. Даже с этим вечно ноющим Плакуном в углу. Он теперь - часть флоры. И даже его нытье стало похоже на шум ветра в камышах. Привычное. Природное. Свое.

СКАЗКА ПРО ПОРОГ, ПРО КОТОРЫЙ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ В ОБЫЧНЫХ СКАЗКАХ

В самой гуще Леса, там, где тропы теряют названия, стояла Избушка Бабы-Яги Агаты. И был у этой избушки невидимый, но самый главный элемент - Порог. Не деревянный, а душевный. Он не скрипел. Он молчал. И в этом молчании жила вся его сила.

Раньше Агата думала, что её Порог - для всех. Что каждый, кто в жизни запутался, может его переступить и получить помощь. Но со временем она поняла: её Порог - особенный. Он пропускал не всех.

Большинство проходили мимо. Они даже не видели избушку. Их дорога лежала по солнечным полянам и проторённым тропинкам. Их беды были ремонтпригодны: «Муж не помогает по дому», «Дети не слушаются», «Начальник дурак». Их боль была как заноза - неприятно, но выковыривается. Их стратегия - «найти способ» - работала. Им не нужно было переступать Порог Бессилия. Они были, как сказал бы Кот Котофей, счастливчики поверхностных ран. Их мир был сложным, но починяемым.

Но иногда, очень редко, на опушке появлялась особая тень. Человек, который шёл не суетясь, а как падает камень - тяжело, неотвратимо. Их глаза были пусты не от недостатка мыслей, а от их переизбытка и полной бесполезности. Они подходили к Порогу и останавливались. Не потому что боялись. А потому что их ноги больше не помнили, как шагать вперёд. Сила, что несла их по жизни, кончилась.

Что такое этот Порог на языке Леса?

Это не просто отчаяние. Это - момент, когда ты делаешь последнюю, отчаянную ставку на свою старую магию - и она не срабатывает. Навсегда.

Пример, который Агата никогда не забывала: История про Ручной Родник.

Когда-то в её части Леса иссяк главный ручей. Вся живность стала гибнуть. Явилась к Агате фея-хранительница тех вод, юная и сильная. «Помоги!» - кричала она. И Агата, тогда ещё полная сил Яга-Спасатель, билась как рыба об лёд. Она свозила воду из других лесных царств волшебными вёдрами (помощь извне). Она копалась в русле, ища подземные ключи (психологические техники). Она читала заклинания на дождь (молитвы и надежды). Родник на день-два оживал - и снова иссякал. Фея смотрела на неё с надеждой, которая с каждым разом таяла, как апрельский снег.

И в один ужасный день Агата просто села на землю у сухого русла. Её руки в мозолях, мешки под глазами, а в душе - абсолютная, звонкая тишина. Она перепробовала всё, что знала, во что верила, на что была способна. И этого оказалось мало. Родник умер. И она ничего не могла с этим сделать.

Вот он - Порог. Это не боль от потери ручья. Это - боль от потери веры в собственную всемогущность. Боль от осознания: «Есть вещи сильнее моей воли, моего ума, моей любви и моей магии». Это внутреннее крушение всего, на чем стояла твоя личность. Для спасателя - это смерть.

Фея, увидев эту тишину в глазах Агаты, переступила свой собственный Порог. Она перестала ждать чуда. Она просто села рядом и начала оплакивать свой мёртвый ручей. Без надежды на воскрешение. Приняв факт смерти.

И тогда случилось необъяснимое. Из-под камня, у которого они сидели, сочиться начала не вода, а... свет. Тёплый, мягкий, живой. Он не мог напоить зверей, но он грел. Фея, плача, протянула к нему руки. И свет стал обвиваться вокруг её пальцев, как виноградная лоза. Он не был водой. Он был памятью о воде, её душой, её благодарностью.

Они не воскресили ручей. Они обрели нечто иное - Светоносную Лозу, растение, которое с тех пор росло только на месте неисправимых потерь и давало не воду, а утешение и понимание.

Кот Котофей, видевший эту историю, подвёл итог:
- Понимаешь, хозяйка, счастливчики - те, чьи родники никогда не пересыхают. Или пересыхают ненадолго. Они живут в мире, где всё можно починить, полить, оживить. Их не пускает на твой Порог их же удача.

А особенные - те, кому «повезло» столкнуться с Окончательной Невозможностью. С тем, что не чинится. Их старый мир там и ломается. А твой Порог - это не дверь для помощи. Это - место, где заканчивается одна земля и начинается другая. Земля, где не умеют воскрешать ручьи, но зато умеют выращивать Светоносные Лозы из пепла надежды. Туда идут не за спасением.

Туда идут чтобы научиться жить после того, как всякая надежда на спасение умерла. И это не для всех. Это - для избранных несчастьем. Для тех, чья боль оказалась сильнее их магии. И сильнее их самих. До Порога.

С тех пор Агата смотрела на свой Порог иначе. Она не ждала у него всех подряд. Она ждала особенных. Тех, в чьих глазах уже погас огонь борьбы и зажглась тихая, ужасающая ясность: «Я всё перепробовал. У меня больше нет вариантов. Во мне больше нет сил давать варианты. Я просто стою здесь. На Пороге. Где всё, что я знал о мире и о себе - закончилось».

И она знала: вот сейчас, в эту секунду, начинается самое важное. Не сказка про победу. Сказка про то, как остаться человеком, когда победить невозможно. И эту сказку могут услышать только те, кто прошёл сквозь молчание собственного Порога.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЯГА ПРОТОКОЛ АПОКАЛИПСИСА ВЕЛА

Было время, когда Баба-Яга Агата думала, что конец света - это гром, огонь и туча саранчи размером с царство. Потом она поняла: апокалипсис бывает тихим. Он приходит не к миру, а к одной душе. И зовётся он День, Когда Кончились Варианты.

В тот день у Агаты кончились зелья. Кончились заклинания. Кончились мудрые слова. Огромная, чёрная Тихость, как смола, заполнила её избушку. Она сидела и смотрела, как гаснет огонь в очаге. И думала: «Всё. Я - пустая скорлупа. Я сдалась». Это чувство было таким знакомым, таким постыдным и таким... окончательным.

И вдруг её взгляд упал на старую, потрёпанную тетрадь - ту самую, куда она когда-то записывала рецепты от сглаза и порчи. Рука сама потянулась к перу. Не чтобы писать зелье. Чтобы зафиксировать момент.

«День Без Вариантов. Час третий пополудни. Огонь умер. В котле - пустота. В голове - шум, похожий на тишину после взрыва. Я больше не Яга. Я - та, кто сидит и наблюдает за смертью Яги. Интересно, что будет дальше?»

Это и был первая строка Протокола.

Кот Котофей, следивший за ней с полки, фыркнул:

- Что, летопись собственного поражения затеяла? Героический поступок.
- Не летопись, - тихо ответила Агата, и в её голосе пробились странная, новая нота. - Протокол. Фиксация фактов. Если я уже не могу быть волшебницей, я буду... свидетелем. Хоть кто-то должен записать, как это происходит.

И она стала записывать. Не «ой, как больно», а как учёный:

«Наблюдение за Болью. При надавливании на память о неудачном лечении зуба - возникает не импульс, а целая вселенная отчаяния. Размером с грецкий орех. Весом - с дом». «Эксперимент с Бесси́лием. Попытка «поднять» дочь-Царевну в школу вызывает эффект обратного действия. Чем больше сил вкладываю, тем глубже мы обе проваливаемся в яму взаимного раздражения. Вывод: сила здесь - не рычаг. Она - часть проблемы». «Анализ образца «Сданности». При ближайшем рассмотрении чувство «я сдалась» состоит из: 30% усталости, 20% стыда, 50%... свободы. Странно. Будто внутри опустевшей крепости запела птица».

Она не боролась. Она - каталогизировала. Каждый день своего личного апокалипсиса. Каждый обломок старой веры в себя.

И случилось чудо. Не внешнее. Внутреннее. Глядя на свою боль и бессилие со стороны, как на экспонаты, она перестала быть их жертвой. Она стала их биографом. Сви́нец унижения и страха, положенный на чашу весов наблюдения, под холодным светом внимания начал тускло блестеть. В нём проступили грани:

Вот грань - стойкость. («Я выдержала это»).

·Вот - ясность. («Я наконец увидела вещи такими, какие они есть»).

Вот - причудливая красота узора, который оставляет трещина на разбитом сердце.

Она не варила золото. Она описывала процесс превращения свинца. И в этом описании сви́нец незаметно менял свойства. Он больше не отравлял. Он становился материалом. Из которого можно было строить не крепости, а модели понимания.

Однажды к её порогу приполз юный лесовичок, тоже достигший своего «Дня Без Вариантов» в несчастной любви. Он ждал зелья, волшебства.

Агата молча протянула ему свою тетрадь. Открытую на странице «Анализ чувства «Меня Никто Не Любит»».

- Я не могу дать тебе любви, - сказала она. - Но я могу дать тебе карту этой территории. Вот здесь - топи Саможаления. Обходи. Вот тут - холмы Пустых Надежд. Не строй на них дом. А вот здесь, смотри, - родник Странного

Спокойствия. К нему можно прийти, только потеряв всё. Воды немного, но она чистая.

Лесовичок ушёл, унося не зелье, а карту. Он не победил боль. Он получил схему местности, где эта боль происходила. И это оказалось сильнее любого забвения.

В этом и был смысл. Протокол Апокалипсиса - это не дневник упадка. Это чертёж, который создаётся, когда дом уже сгорел. Чертеж, где помечено не только расположение комнат, но и где любила сидеть кошка, в каком углу сквозило, а где падал самый живой утренний свет.

Это карта, которая говорит новым путникам:
«Выживание - это не вернуть сгоревший дом. Выживание - это понять, почему он горел так ярко, и почему мы так любили в нём жить. А потом - взять это понимание с собой. Куда угодно. Оно весит много.

Но оно не даст вам построить следующий дом с теми же фатальными ошибками. И, возможно, поможет разглядеть красоту в самом факте того, что у вас когда-то был дом, который стоило любить.»

Агата закрыла тетрадь. Огонь в очаге по-прежнему не горел. Но в воздухе висел не пепел, а тихая мощь составленной карты. Она больше не была Бойцом. Она была Картографом Разрушенных Миров. И её сила измерялась не тем, сколько драконов она убила, а тем, сколько душ, заблудившихся в своих личных апокалипсисах, найдут дорогу к роднику Спокойствия по её чертежам.

Кот Котофей перевернулся на спину, и его брюхо затряслось от беззвучного смеха.

- Ну что, Картограф? Сдалась, говорила?

- Заткнись, пушистый компас, - улыбнулась Агата впервые за долгое время. - Я не сдалась. Я начала инвентаризацию трофеев. И обнаружила, что самое ценное - не побеждённые враги, а карта всех полей битв, на которых я когда-либо стояла. И она теперь - моё главное наследство. Лучше, чем любое зелье. Потому что зелье заканчивается. А карта - учит видеть. И это была самая важная строка в её Протоколе.

ГЛАВА ПЕРЕХОДА: КОГДА КАРТА СТАНОВИТСЯ ТЕРРИТОРИЕЙ

Прошло время. Тетради с Протоколами Апокалипсиса заполнили целый сундук. К Агате уже не приходили за простыми зельями. К её Порогу

теперь стекались те, кто уже прошёл через своё личное «День Без Вариантов». Они не просили рецептов. Они молча протягивали ей обломки своих миров - высохшие цветы невзаимной любви, стёртые до дыр молитвы, пустые склянки от надежды. И ждали не совета, а одного: «Положи это на весы. Скажи, как называется этот минерал. В какой отдел архива его определить».

Она стала Таксидермистом Душ. Она не воскрешала умершие чувства. Она препарировала их с любовью энтомолога, находила латинское название для каждой боли, аккуратно накалывала на булавку ясного понимания и размещала в каталоге опыта под стеклянный колпак вечности. Её избушка превратилась в Музей Человеческого Невозможного.

Но однажды, разбирая очередной «экспонат» - комок спутанного страха, принесённый молодым кентавром, - Агата почувствовала незнакомый зуд. Не в пальцах. В душе. Она вдруг ясно осознала: она может назвать все частицы этого страха. Может объяснить, из какой травмы выросла каждая щепка. Может дать исчерпывающую карту. Но кентавр от этого не перестанет бояться. Карта - не территория.

Старая тоска Борца шевельнулась на дне. «И что? - прошептала она. - Я так и буду вечно ставить таблички «Осторожно, бездна» у края чужих пропастей?»

В ту ночь она не вела протокол. Она села перед холодным очагом и задала себе единственный вопрос: «Что сильнее карты?»

Ответ пришёл не в словах. Он пришёл в виде желания. Не желания помочь, не желания понять. А желания прикоснуться. Не к боли. К тому, что остаётся, когда боль названа, взвешена и положена на полку.

Наутро она сделала нечто немыслимое. Вместо того чтобы принимать «экспонаты», она объявила:

- Музей закрыт на реконструкцию. Приносите не обломки. Приносите... семена. То, что у вас осталось живого. Несмотря ни на что.

Первой пришла та самая фея высохшего ручья. В ладонях она держала не слёзы, а единственную, чуть помятую, но явно живую ягоду со своей Светоносной Лозы.

- Это всё, что у меня есть живого, - прошептала фея.

Агата взяла ягоду. Не для каталога. Она вышла за порог, туда, где земля ещё помнила пепел. И посадила её. Не сказав заклинания. Просто воткнула в землю пальцем, полила водой из кружки.

- Что ты делаешь? - удивился Котофей.
- Превращаю карту в сад, - ответила Агата. - Карта показывает, где что росло. А я хочу, чтобы оно росло снова. Не то же самое. Новое. Из того, что выжило.

Так начался её новый переход: от Таксидермиста Душ - к Садовнику Уцелевшего.

Это была не борьба и не пассивность. Это было сотрудничество с уцелевшими обрывками жизни. Её магия изменилась. Теперь она не разбирала на атомы. Она соединяла. Ягоду феи с памятью земли. Обрывок чужой несбывшейся мечты - с ветерком, который нёс семена одуванчиков. Своё старое знание ядовитых троп - с интуицией, куда лучше посадить новую тропинку.

Она не исправляла прошлое. Она выращивала будущее из его мусора. И для этого требовалась дикая, тихая, упрямая сила, сравнимая с силой прорастающего сквозь асфальт ростка. Сила не борьбы, а прорастания.

Её избушка перестала быть музеем. Она стала Оранжереей Актуальности. В горшках из разбитых склянок зеленели не зелья, а символы: колючее растение из обид, лиана из тихой преданности, цветок, распускавшийся только в лунном свете одиночества.

Кентавр, увидев это, принёс не ком страха, а горсть земли из-под копыт. «Там, где я бегу», - сказал он. Агата смешала эту землю с пеплом из своего очага и посадила колокольчик. Через месяц он зацвёл тихим, чистым звоном, который был слышен только тем, кто перестал бояться тишины.

Кот Котофей, наблюдая, как хозяйка с землёй под ногтями колдует теперь над ростками, мурлыкал новую формулу:
- Раньше ты была хирургом, который вскрывал трупы поражений. Потом - архивариусом, который составлял их каталоги. А теперь ты... мать-земля для всего, что недобилось. Самая почётная и самая грязная работа. Поздравляю. Ты нашла, что сильнее карты.

Сильнее карты - только жизнь, которая решила прорасти прямо поверх неё. Даже если для этого ей приходится быть маленькой, кривой и растить листья из шрамов.

Агата вытерла лоб. Она устала по-новому, по-земному. Но в этой усталости не было горечи сдачи. В ней была тяжесть плодородного слоя, который она, наконец, научилась носить в себе. Она больше не летописец конца. Она стала садовником самых первых, самых хрупких начал.

СКАЗКА ПРО САД, КОТОРЫЙ ЗАХОТЕЛ СТАТЬ ЛЕСОМ

Шёл второй год Великого Садоводства Бабы-Яги Агаты. Её Оранжерея Актуальности цвела и пахла. В горшках из разбитых сердец зеленели терпение. Из треснувших чаш тянулись к свету ростки прощения. Колокольчик кентавра звонил по утрам тихой радостью. Агата ходила между ними с лейкой и щипцами, и её лицо светилось спокойной гордостью матери. Она знала каждую трещинку на каждом горшке, каждый изгиб каждого стебля.

Но однажды утром Кот Котофей, прогуливаясь по краю стола, задел хвостом самый красивый её цветок - розу, выращенную из лепестка старой, но отпущенной обиды. Горшок дрогнул, и на землю упал единственный, идеальный лепесток.

Агата ахнула, будто у неё самого оторвали лепесток.
- Осторожнее! - воскликнула она, бросаясь поднимать драгоценность. - Ты не понимаешь, что это! Это же Роза Отпущения! Её год выращивать пришлось!

Кот посмотрел на неё своими старыми, жёлтыми глазами и медленно облизал лапу.
- Понимаю. Ты стала тюремщиком своих сокровищ, хозяйка. Боишься, чтобы с ними ничего не случилось. Интересная эволюция: из воина в спасателя, из спасателя - в архивариуса, из архивариуса - в садовника, а из садовника - в ревнивого сторожа музея под открытым небом. Поздравляю. Ты придумала новую форму несвободы.

Агата замерла с лепестком в руке. Слова кота вонзились, как колючка. Она оглядела свой прекрасный, упорядоченный сад. Каждое растение - на своём месте. Каждая травинка - под контролем. И тут она почувствовала. Не умом, а кожей. Саду было тесно. Воздух в оранжерее, хотя и напоённый смыслом, был статичным. Здесь ничего не случилось непредвиденного. Никакой дикой поросли. Никаких случайных ветров. Это была идеальная тюрьма благополучия.

Первая ошибка: **Гиперопека**. Она так боялась, что ростки погибнут, что не давала им пить дождь напрямую - фильтровала его через сито своей мудрости. Не давала им знать настоящего ветра - обдувала только искусственным дыханием своих медитаций. Она выращивала бонсаи из душ, карликовые, прекрасные, но нежизнеспособные вне её теплицы.

В ту ночь случился Первый Бунт. Мох Тихого Отчаяния, которого она поливала строго по расписанию «осознанного принятия», вдруг полез вон из

горшка. Он потянулся не к свету лампы, а в щель под дверь, навстречу сырому, непредсказуемому ночному воздуху леса. Агата хотела было вернуть его, но остановилась.

Вторая ошибка: **Иерархия ценности**. Она ловила себя на мысли: «А ведь этот мох - не такая ценность, как роза. Пусть поползёт, если хочет». И в этот момент она поняла, что снова всё оценивает. Даже в своём царстве принятия, она тайно считала, что одни чувства «лучше» других.

Наутро она сделала то, от чего у неё задрожали руки. Она распахнула двери и окна оранжереи настежь. Впустила не только свет, но и сквозняк, мух, пылцу сомнительных полевых цветов и просто сырой, обычный воздух реальности.

- Что ты делаешь?! - завизжал голосок Плакун-травы, привыкшей к стабильной влажности.

- Превращаю сад в заповедник, - скрипуче ответила Агата. - Заповеднику нужны не только благородные виды. Ему нужны... всякие. И волки, и мыши, и гнилые пни.

Третья ошибка, самая коварная: **Усталость от благоговения**. Когда к ней принесли новую, хрупкую искорку - надежду после предательства, - Агата не бросилась за лейкой. Она чувствовала лишь тяжелую усталость. «О, ещё один экспонат. Ещё одна ответственность». И тогда она поступила не как Садовник, а как... Лес. Она взяла искорку и просто положила её на землю, в угол, где валялись опавшие шишки и хвоя.

- Вот. Лежи. Будь. Прорастёшь - хорошо. Нет - значит, твоё время ещё не пришло, или тебе здесь не место. Я не буду над тобой трястись.

Искра, лишённая немедленной заботы, сначала потускнела. А потом, чтобы не умереть, сама шевельнулась и закатилась под старый пенёк, где было влажно и темно. Место, которое Агата-Садовник никогда бы не выбрала.

Через месяц из-под пня выглянул странный, приземистый гриб с шляпкой цвета старого серебра. Он не был красивым. Но по ночам он светился тусклым, успокаивающим светом. Оказалось, он лечил не душу, а бессонницу. Его называли Грибом Ночного Покоя.

Так Агата стала Стражем Цветущей Пустоши. Не садовником, который создаёт, а хранителем, который позволяет. Её роль свелась к простым правилам:

1. Не топтать. (Не разрушать хрупкие процессы своими благими намерениями).

2. Не выпалывать с яростью. (Принимать даже «сорные» чувства как часть ландшафта).
3. Наблюдать за тем, что опыляет что. (Замечать связи: как шутка мужа поливает мох, как молчание дочери удобряет фиалки терпения).

Её оранжерея исчезла. Её поглотил Лес Самостоятельной Жизни, который разросся вокруг избушки. Агата сидела на крыльце, и к её ногам уже не несли обломки. Приходили и садились просто так. Чтобы подышать этим воздухом, где всё могло быть любым. И чувствовали, как их собственные внутренние сады, без всяких советов, начинали тянуться к этому странному, щедрому солнцу - солнцу, которое не жжёт, а просто позволяет расти.

Кот Котофей, растянувшись на солнечном пятне, подвёл черту: - Вот видишь. Ты боялась, что, перестав бороться, станешь никудышной. А стала - почвой. Самая незаметная, самая важная работа. Бойца все видят. Садовника - восхищаются его розами. А про почву все забывают. Но без неё - ничего. Ни тебе роз, ни тебе леса. Просто - пыль. Ты теперь - мать-земля для душ. И это, между прочим, самая что ни на есть божественная работа. Только не зазнавайся. А то опять в садовники захочется.

СКАЗКА О ДВУХ ДУШАХ И ОБЕЩАНИИ

В сумеречном лесу, где тропы сплетались в узор судьбы, Баба-Яга встретила женщину. Та стояла, сжав в руках лоскут ткани с вышитыми звёздами - талисман надежды. «Я пришла за ответом, - сказала женщина. - Мы хотим ребёнка. Но что-то держит нас на пороге».

Баба-Яга зажгла свечу из чёрного воска и глянула в чашу с водой из родника памяти. В ряби отразились две души - мальчик и девочка - у запертых врат; тёмный провал под ногами, куда могла упасть младшая; колодец, наполовину зарытый в землю, словно забытый временем. «Ты видишь?» - прошептала женщина. «Вижу, - ответила Баба-Яга. - Души ждут твоего слова. Путь открыт лишь для одной - сначала мальчик, потом девочка. Если пообещаешь, беременность сбудется. Но есть условие...» - «Что за условие?» - голос женщины дрогнул. «Ты должна закопать колодец на своём участке. Полностью, до последнего венца. Это щит для младшей души. Если не сделаешь - провал под ногами станет реальностью».

Женщина задумалась. В её глазах метались страх и жажда материнства. «Я согласна. Обещаю». Баба-Яга протянула ей камень с выгравированным знаком: «Этот камень будет напоминать. Когда он потеплеет - время действовать».

Не прошло и месяца, как камень в шкатулке начал теплеть. Женщина не стала ждать. Взяла лопату и засыпала колодец - аккуратно, слой за слоем, пока над землёй не остался лишь гладкий холм. Через положенный срок

родился мальчик - крепкий, с ясным взглядом. Женщина смотрела на него и шептала: «Я выполнила обещание. Ты в безопасности».

Спустя годы она снова почувствовала зов - тело просилось к новой беременности. Но в сердце шевельнулась тень: «А если это всё выдумки? Колодец закопан, мальчик здоров... Может, дальше всё пойдёт само?» Камень в шкатулке молчал. Она убедила себя: «Значит, не время». Но сны вернулись: девочка у края бездны; шепот: «Обещание...»; колодец, из-под земли пробивающийся наружу. Муж замечал её тревогу, но она молчала. «Не поймёт», - думала она.

Однажды утром камень в шкатулке пылал, как уголёк. Женщина выронила его, обожгшись. В тот же миг в окне мелькнула тень - девочка с глазами, полными звёзд. «Хватит ждать, - прошептала Баба-Яга, возникнув в отражении зеркала. - Ты уже прошла половину пути. Но обещание - это не разовое действие. Это образ жизни». - «Но я боюсь! - вскрикнула женщина. - Что, если я снова что-то сделаю не так?» - «Страх - это дыра, куда падает свет. Ты либо заполняешь её действием, либо она заполняет тебя. Ты уже доказала, что можешь защищать. Теперь докажи, что можешь верить».

Женщина вышла в сад. Над закопанным колодцем вырос куст шиповника - колючий, но цветущий. Она опустилась на колени, провела рукой по земле: «Я помню своё слово. Я снова выбираю защиту». Она не стала перекапывать холм. Вместо этого посадила вокруг него семь белых камней - «стену» из обещаний; зажгла свечу и произнесла: «Я открываю путь для второй души»; разбросала по саду семена звёздчатки - «чтобы свет нашёл дорогу».

На следующий день ей приснился сон: мальчик и девочка, держась за руки, шли по мосту из звёздного света. Девочка улыбалась и говорила: «Я иду. Спасибо, что не забыла».

Если бы женщина отступила, мог произойти разрыв связи - сомнения разъели бы доверие к себе, а значит, и к миру. Даже здоровье мальчика стало бы вызывать тревогу: «А вдруг я что-то упустила?» Другие мечты начали бы рушиться из-за внутреннего раскола. Она перестала бы слышать шёпот душ, нуждающихся в её защите. Но она выбрала верность слову. И в тот момент, когда она произнесла последнюю фразу, камень в шкатулке остыл - теперь он стал не напоминанием, а свидетельством.

Эта сказка - о мужестве продолжать. Она напоминает: даже после успеха можно столкнуться с новыми испытаниями; сомнения - не враги, а знаки: «Здесь нужно больше света»; верность обещанию - это не о прошлом, а о будущем, которое вы создаёте каждый день.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЯГА КАРМУ НА ЙОГЕ РАСТЯГИВАЛА

Было у Бабы-Яги Агаты одно необъяснимое увлечение. Каждое утро, пока лес ещё спал в тумане, а кот Котофей храпел на печи, она раскатывала у избушки потрёпанный коврик и принималась за странные телодвижения. Она называла это «йога для позвоночника судьбы».

- Опять за своё? - флегматично спрашивал Кот, приоткрывая один глаз. - Всю жизнь с ведьмовскими скрючиваниями прожила, теперь ещё и эти асаны. Искажение пространства-времени какое-то.

- Молчи, материалист пушистый, - пыхтела Агата, пытаясь дотянуться до пяток в позе «Наклон к прощению». - Я тут кармические зажимы отрабатываю. Смотри: вот этот блок в пояснице - явно от того, что я триста лет слишком низко кланялась дурацким царям. А эта зажатость в шее - сто пудов, невысказанные советы глупым клиентам.

Йога у Агаты была особая, синкретическая. Поза «Собака мордой вниз» у неё плавно перетекала в «Ступу на взлёте». «Поза воина» напоминала скорее стойку перед броском помелом. А «Шавасану» (позу трупа) она исполняла с таким глубоким знанием дела, что Кот несколько раз беспокойно тыкался в неё носом - проверял, не отправилась ли она, наконец, в свои тридевятые царства.

Однажды к ней на коврик приполз маленький, вечно озабоченный домовёнок.

- Бабушка Яга, - зашептал он, - я тут карму свою чувствую! Меня все предыдущие хозяева за то, что я посуду бью, в угол ставили! Теперь у меня спина болит, и удачи нет!

Агата, замирая в позе «Дерева, которое всех достало», посмотрела на него. - А ты, цыплёнок, карму с кармой не путай. То, что у тебя спина болит - это не карма. Это мышечная память о позорном стоянии в углу. А карма - это закон причины и следствия, а не божественное наказание за разбитые горшки. Это как... - она перекатилась в позу «Кобры, готовой к философскому спору». - Если ты постоянно роняешь горшки, то следствие - ты вечно ходишь по черепкам. Это и есть карма. А боль в спине от стояния в углу - это уже твоя личная, домовьячья глупость, которую ты возвёл в абсолют.

Она усадила домовёнка рядом и начала свой эзотерически-буддийский мифологический ликбез с ягинским юмором.

- Представь, - сказала она, - что карма - это не судья с молотком, а огромный, ленивый кот. Ты кидаешь в него мячик дурного поступка - он, нехотя, одной лапой отшвыривает его обратно в тебя, лет через десять, когда ты уже и забыл. Не со зла. Просто закон сохранения энергии дурацких поступков. А

йога - это не чтобы кот стал добрее. Это чтобы ты научился лучше уворачиваться от летящего обратно мячика, да ещё и поймать его так, чтобы не ушибиться, а maybe даже поиграть.

Она показала «Позу гибкого оправдания» и «Асану принятия летящего в рожу последствия».

- А любовь, - продолжала она, переходя в «Позу раскрытого, но слегка подозрительного сердца», - это вообще отдельная история. Это не чувство. Это способ видеть. Видеть, что домовёнок, который бьёт горшки, - не злодей, а несчастное существо с плохой координацией и детской травмой от гонимого круга. Любовь по-ягински - это не «ах, как я тебя обожаю». Это - «я вижу всю твою кривую, нелепую, причинно-следственную цепочку, и мне тебя дико жалко, поэтому давай-ка я тебе этот горшок заколдую, чтобы он не бился».

Кот Котофей, слушая это, издал звук, средний между мурлыканьем и саркастическим смешком.

- Переведи на кошачий, - попросил он.

- На кошачий так: Жизнь - это когда тебе на голову падает сосулька. Карма - это понимание, что ты сам нагадил прошлым летом на ту самую крышу. Йога - это умение вовремя подставить лапу, чтобы сосулька отскочила и попала в того, кто тебя дёрнул за хвост. А любовь - это когда ты, видя, как на другого кота летит сосулька, не злорадуешь, а тихо говоришь: «Мяу». Что, впрочем, можно трактовать как угодно.

Домовёнок, выслушав, сел в неловкую позу «Просветлённого, но сведённого судорогой существа». И его спина, странным образом, разболелась меньше. Не потому что карма исчезла. А потому что он перестал напрягаться в ожидании божественной кары и просто принял факт: да, был дураком. Теперь буду умнее. Или, по крайней мере, буду бить горшки над мягкой соломой.

А Агата, завершая практику, встала в свою коронную позу - «Баба-Яга в созерцании бессмысленности и вечности» (ноги скрещены, одна рука на сердце, другая - чешет за ухом Котофея).

- Главный секрет, - прошептала она лесу, домовёнку и утреннему ветру, - в том, что карма, йога и любовь - это не три разные вещи. Это один и тот же процесс. Карма - это движение. Йога - это осознание этого движения. А любовь - это отсутствие сопротивления ни движению, ни осознанию. Ну, и юмор, конечно. Без юмора тут и на коврик ступить страшно - такое серьёзное всё, священное. А так - потянулся, хрустнул кармой, улыбнулся и пошёл кашу варить. Всё есть иллюзия, но каша-то - реальная. И её надо сварить. С

любовью. И с пониманием, что если пересолишь - это тоже карма. Но поправимая.

И под мудрый храп Котофея, нашедшего наконец в этой философии повод для послеобеденного сна, в избушке запахло чем-то большим, чем полынь и сушёные жабы. Запахло принятием. С лёгким, очень лёгким, оттенком растянутой, довольной мышцы где-то в районе души.

ВСТРЕЧА С ТЕНЬЮ

Жила-то в нашем городе девушка Алена. Пришла как-то ко мне, глаза полны надежды, а на ладони - линия судьбы, что вилась, как речка весенняя. "Посмотрите, - просит, - вот с этим парнем как у нас закрутится? Сергей его зовут".

Взяла я ее руку, а потом мысленно к образу его обратилась. И увидела... тьму. Не простую, а могущественную. Силу в нем ощутила колдовскую, что дремала пока, но могла проснуться. Словно тень от высокого дерева в безлунную ночь - тихая, но всепоглощающая.

Алене прямо сказать не смогла - не поймет, испугается. Намекнула лишь, что характер у парня непростой, силы в нем много, но куда направит - неизвестно. Поблагодарила она, ушла.

А на следующий день - стук в дверь.

Открываю - стоит он. Высокий, статный, взгляд пронзительный. Узнала сразу, хоть вживую не видела никогда. Вошел уверенно, сел без приглашения.

"Вы вчера обо мне говорили, - сказал он голосом ровным, но в глубине - сталь. - Теперь я хочу услышать от вас сам".

Взяла я его ладонь - а на ней линии-то... странные. Судьбы - глубокие, воли - как меч закаленный, а вот любви... словно и не было вовсе. Чистое место, будто готовый холст для картины, что еще не написали.

Смотрела я в его судьбу, видела два пути. На одном - свет, любовь, служение добру. На другом - сила, власть, тени, что обнимают, как старые друзья. А между ними - сам он, молодой еще, но с душой древней воина.

"Сила в тебе великая, - говорю. - Но как меч обоюдоострый - может защищать, а может ранить. Вижу в тебе воина, но чьим оружием станешь - света или тьмы - решать тебе".

Молчал он долго, а в глазах его буря проносилась невидимая. "Сила зовет", - признался наконец. И в словах этих была и жажда, и сомнение, и та молодость, что еще не знает цены своим выборам.

"Тем, кто идет путем силы, часто одиноко бывает", - сказала я.

"Одиночество я знаю", - ответил он, и на миг в его глазах промелькнуло что-то человеческое, хрупкое.

Долго мы говорили...о сомненьях его, о планах...Ушел он затем, этот красавец с пустыми ладонями, где линии любви не пролегли. Ушел к своим выборам, к своей судьбе.

А я сидела, думала о том, как тонка грань между светом и тенью в душах людских. Как тот, кто мог бы стать защитником, может стать разрушителем. Как молодость ищет силу, не всегда понимая, что истинная сила - не в подчинении других, а в владении собой.

Больше мы не встречались. Но иногда, в сумерки, кажется мне, что вижу его тень на улице - высокую, одинокую, все еще выбирающую свой путь. Воин тьмы, что мог бы быть воином света. Если бы выбрал иначе.

Вот и сказке конец, а кто слушал - молодец. Помните лишь: на ладонях наших линии любви сами не появляются - мы их проводим своими выборами, день за днем, встречу за встречей. Даже если кажется, что их нет вовсе - всегда есть чистое место, где они могут родиться.

ЦЕПЬ И КЛЮЧ

В избе у Воеводы, лесного старца, было тихо, но отнюдь не спокойно. Эта тишина была густой, настоящей на дыме прошлых пожаров и невысказанных слов. Сам Воевода сидел у очага, его когда-то могучие плечи были сведены судорогой старой боли, что возвращалась с упрямой злостью. Рядом, на лавке, дремал домовый Федос, но сон его был тревожен, а лицо осунулось от вечной, невидимой работы. И лишь кот Мрак, чёрный, как смоль, с глазами-янтаринами, сидел на полене и смотрел на них пристально, без осуждения и без жалости.

- Смотришь на нас и видишь немощь, - внезапно произнёс Мрак, обращаясь к Воеводе. - А я смотрю и вижу цепь. Крепкую, стальную.

Воевода медленно повернул к нему голову.

- Какая ещё цепь, зверь?

- Та, что держит. Та, что давит. Твоя боль - не просто боль. Она - звено. А твоя вечная усталость, Федос, - другое звено. И звенья эти скованы не железом, а привычкой.

Мрак прыгнул и стал обходить их кругом, как тюремный надзиратель, знающий каждую щель в камере.

- Ты, Воевода, когда-то гнал полчища тёмных туманов с границ. А теперь что? Граница - это стены этой избы. Твоя боль стала твоим «туманом», в который ты уходишь. Ты бежишь в неё, как другие бегут в хмельной дурман. Только у них - бутылка, а у тебя - собственное тело. Оно кричит, чтобы ты забыл, что больше не Воевода, а просто старый, уставший страж, который не может починить сломанный мир.

Федос вздрогнул и открыл глаза.

- А я? - спросил он сипло. - Я что, тоже в цепи?

- Ты, Федос, - мурлыкнул кот, - подсел на другое. На чувство, что без твоего ворчания, без твоего вечного «я сам», дом рухнет. Ты зависишь от своей незаменимости. Это твой дурман. Ты дышишь пылью ответственности и думаешь, что это воздух.

Воевода хотел было гневно топнуть посохом, но рука не поднялась. В словах кота была горькая, невыносимая правда. Он смотрел когда-то на людей, что теряли себя в зельях и вине, видел, как их воля таяла, как они платили здоровьем и честью за минуту забвения. И с ужасом узнавал в них своё отражение. Разве не искал он забвения в своей хвори? Разве не платил за минуты покоя днями страдания? Его «веществом» была болезнь. Её приступ давал «право» отложить решение, скинуть тяжкий плащ воеводства. Федос же, как выяснилось, был в паутине гиперопеки. Его «дозой» было чувство, что только он, вечный домовый, удерживает бытие избы на своих плечах. А стоило кому-то предложить помощь, как в нём вспыхивала тревога: «Если не я, то всё пойдёт прахом».

- Цикл, - прошептал Воевода, глядя на пламя. - Я вижу цикл. Приходит весть о беде на границе (триггер). Я пытаюсь собрать силы, думать, как прежде (попытка контролировать). Не выходит - силы не те (неудача). Тогда накатывает боль, скручивает (уход в болезнь). И я могу сказать: «Простите, не могу, я болен» (временное облегчение). А после... после грызёт стыд (вина). И всё по новой.

- Почему я общался с теми, кто в петле хмельной? - вдруг спросил Федос, обращаясь к кота. - Казалось, смотрю на них и думаю: «Я-то хоть не такой». И вроде легче.

- Потому что в их падении ты искал своё спасение, - ответил Мрак. - Смотрел в это кривое зеркало и утешался: моя зависимость благороднее, моя тюрьма -

из лучших пород дерева. И искал в их борьбе ключ к своей. Напрасно. Ключ не в их битве. Ключ - в признании своей собственной цепи.

Настало время не просто говорить, а действовать. Первым делом они назвали свою зависимость вслух. Воевода, стиснув зубы, произнёс: «Я зависим от роли страдальца. Она даёт мне право на слабость». Федос, понуриив голову, добавил: «А я - от роли незаменимого нытика. Она даёт мне иллюзию смысла».

Потом они стали искать «заменители» для своего бегства. Когда у Воеводы сжималось сердце от беспомощности, он не давал боли первой заговорить. Он брал чарку ледяной ключевой воды, выпивал медленно, ощущая холодный путь внутри, и говорил: «Я здесь. Я дышу. Этого достаточно сейчас». Федос, чувствуя приступ привычного «всё на мне», вместо того чтобы хвататься за три дела сразу, садился на порог и просто слушал, как шумит лес. Это было его новой «дозой» покоя.

Они практиковали «малое освобождение». Воевода впервые за многие годы разрешил молодым лешаком самим разобраться с мелкой сварой у ручья, не вмешиваясь. И мир не рухнул. Федос сознательно оставил на утро немытую миску, сказав: «Пусть постоит. Я не сломлюсь». И дом не перевернулся.

Самым трудным было переписать внутренние заклинания, что годами звучали в их головах. Вместо «Я должен держать границу один» Воевода учился думать: «Лес силён и множеством корней. Я могу довериться им». Вместо «Если я перестану крутиться, всё развалится» Федос бормотал: «Покой - не лень, а основа для новых дел».

Кот Мрак стал их «сетью безопасности». Они договорились: когда станет невозможно и захочется снова нырнуть в привычное страдание, они скажут коту: «Цепь звенит». И он, не давая советов, просто садился рядом, своим спокойным, немигающим присутствием напоминая, что они не одни в этой борьбе. Федос даже завёл берестяной свиток - дневник триггеров. Тусклой золой он выводил: «Сегодня хотелось заболеть, когда услышал, как треснул старый дуб. Подумал: вот и я, такой же старый и треснувший. Вместо этого вышел, потрогал его кору. Он ещё жив. И я тоже». Шли дни. Цепь не исчезла. Иногда Воевода по-прежнему сгибался от боли, а Федос ворчал, взваливая на себя неподъёмную ношу. Но теперь они знали её имя. И, зная имя, могли выбрать - позволить ей волочить себя или, собрав волю в кулак, нащупать тяжёлое, неудобное, но своё свободное движение. Они поняли, что быть зависимым - не значит быть слабым. Это значит быть уставшим настолько, что психика нашла самый кривой, но знакомый путь к передышке. А взросление и сила - в том, чтобы, не ругая себя за этот путь, найти наконец прямую, солнечную тропу. И идти по ней, даже спотыкаясь, уже не как узники, а как путники, которые несут свою ношу, не потому что должны, а потому что выбрали идти дальше.

ФЕНИКС В КЛЕТКЕ, ИЛИ КАК НАУЧИТЬСЯ ЖЕЧЬ СВОИМ ОГНЁМ.

К Агате приходили за советом самые разные лесные существа. Но однажды на пороге появился тот, от кого веяло жаром печали и холодом отчаяния. Это был Феникс. Но не величественный и гордый, а понурый, с потускневшим, местами облезлым оперением. От него не пахло священным огнём возрождения - пахло гарью сгоревших надежд и сладковатым дымом чужих костров.

- Яга Агата, - прохрипел он, едва переступив порог. - Я больше не могу. Обещай, что поможешь. Дай мне сил. Научи своему секрету. Мне нужно волшебное зелье, чтобы снова гореть!

Агата пристально посмотрела на него своим знающим взглядом. Она видела не птицу, а пустую раскалённую скорлупу.

- Садись, птаха. Расскажи, как ты горел в последний раз?

И Феникс рассказал. Он рассказывал о других - о могучем Древе, чью ветвь он однажды занял «на время» и обуглил до тла. О ручье, чьи воды он выпил, чтобы «охладить свой пыл», и тот ручей высох. О друзьях-зверях, у которых он «брал взаймы» тепло их шкур, солнечные зайчики их радости, уверенность в их голосах. Он сжигал их ресурсы, их энергию, их свет, чтобы почувствовать миг своего мнимого величия. А потом наступала пустота, ещё более страшная, и нужен был новый «костёр», новая жертва для его пламени. Он легко давал «честное птичье слово» вернуть всё сторицей, но долги копились, а возвращать было нечем - своё пламя он разжечь не мог. Все дары, помощь, поддержку он воспринимал как должное: «Ну, я же Феникс! Мне положено!». Слово «спасибо» застревало у него в горле горячим угольком стыда, который он спешил проглотить.

- Я поняла, - сказала Агата, когда он закончил. - Твоя беда не в том, что ты не умеешь гореть. Твоя беда в том, что ты разучился жечь собственным огнём. Ты стал вором чужого тепла. Ты присваиваешь и накапливаешь чужую энергию, потому что разучился пользоваться своей собственной. Ты - энергетический должник. И твоя тяга - это не тяга к возрождению. Это ломка паразита, у которого отняли хозяина.

Феникс съёжился. Ему хотелось возразить, вспыхнуть гневом, но даже на это не хватало своих сил.

- Что же мне делать? Я не могу так больше!

- Работа будет трудной, - сказала Агата. - Она состоит не в том, чтобы дать тебе новую порцию чужих дров. А в том, чтобы научить тебя добывать своё топливо и бережно его расходовать. Первое правило: прекрати брать в долг. Никакого «одолжи до завтра». Никакого «мне нужно для важного дела». Если холодно - научись согреться своим трепетом перьев. Если темно - ищи искру внутри, а не спичку у соседа.

Она дала ему три задания.

Первое: Удержать каплю. Агата подвесила на самый тонкий паутинный волосок хрустальную каплю росы.

- Твоя задача - смотреть на неё, дышать ровно и не допустить, чтобы она упала. Ты должен почувствовать, как твоё собственное, тихое внимание становится той силой, что удерживает мир. Не вытягивая ничего извне.

Феникс тщетно пытался «схватить» каплю взглядом, вытянуть из неё силу. Капля падала. День за днём он учился просто быть с ней, направляя внутрь себя луч своего сознания, а не вовне. И однажды он почувствовал, как в его груди, в месте, где должен быть жар, зародилась тонкая, тёплая нить - его собственная энергия.

Второе: Благодарить камень. Агата велела ему каждый день находить самый обычный, невзрачный булыжник и приносить его к порогу.

- А что с ним делать? - спросил Феникс.

- Благодарить. За то, что он держит землю. За то, что он терпит дождь и солнце. Найди в нём то, за что можно сказать искреннее «спасибо», не ожидая ничего взамен.

Сначала это было мучительно. «Спасибо, камень, что ты... тяжёлый». Но постепенно Феникс начал замечать прожилки в камне, его тёплую шероховатость на рассвете. И слова благодарности стали приходить сами - за форму, за устойчивость, за молчаливую службу. Он учился видеть дар в простом бытии, а не требовать даров для себя.

Третье: Разжечь свою искру. Агата привела его на пустырь, где не росло ничего, кроме пепла.

- Вот твоё место. Здесь нет чужих веток, чужих гнёзд, чужих солнц. Есть только ты и твой внутренний огонь. Не пытайся вспыхнуть сразу. Просиди до тех пор, пока от скуки, от отчаяния, от тишины у тебя внутри не забрезжит самое маленькое, самое твоё собственное желание. И позволь ему разгораться медленно, питаясь только твоим дыханием.

Феникс сидел день, другой. Ему было холодно, страшно, унижительно. Но он помнил правило: не брать извне. И в эту тишину, лишённую внешних «костров», стало пробиваться его собственное, забытое тепло. Сначала - память о первом полёте. Потом - тихая радость от того, что он может просто сидеть и никому не должен. Затем - слабое, но его желание увидеть, как на этом пепелище прорастёт первый зелёный стебелёк.

Он не вспыхнул ярким пламенем. Но из его клюва вырвался тёплый, ровный выдох, и в нём заплясала маленькая, но его искорка. Она была слабее любого заимствованного огня, но впервые за долгое время она грела его изнутри, а не обжигала всё вокруг.

Котофей, наблюдавший за всей этой терапией, лежал на припечке, мурлыкал и вязал лапами невидимые узлы из солнечных зайчиков.

Котофей (лениво): «Мяу-диагноз поставлен точно. Зависимость - это когда твоя личная электростанция закрыта на ремонт, а ты ходишь по соседям и

таскаешь из их розеток. Кончается это всеерным отключением тебя самого от жизни. Что пропишет Котофей? Рецепт прост, как мышинный хвост:

1. Энергетическая диета. Полный запрет на «займы». Холодно? Прыгай, чтобы согреться. Темно? Напряги зрение, чтобы увидеть свет звёзд. Приучай свой организм производить, а не потреблять.
2. Тренировка «мышцы благодарности». Ищи, за что сказать «спасибо» миру каждый день. Камню, туче, себе за то, что не взял лишнего. Это превращает тебя из должника в партнёра.
3. Сиди в своей «норке голода» до тех пор, пока не услышишь тихий голосок собственной, настоящей потребности, а не громкий рёв тяги. И корми только его.

И помни: своя, маленькая искра честного желания греет лучше, чем чужой, украденный костёр. Потому что от своего огня - не остаётся пепла стыда. А теперь иди, новоиспечённая свечка, и свети тихо. Не надо слепить всем глаза».

Феникс улетел. Он не стал сверкающим. Но в его глазах появился внутренний отсвет. Он больше не искал, к кому бы прилететь и «подзарядиться». Он нёс в себе свой собственный, скромный, но незаёмный свет. И впервые за много лет он почувствовал, что его следующее возрождение будет его возрождением. Он научился жечь своим огнём, и в этом было начало свободы.

А Агата записала в свой свиток: «Зависимость - это вакуум, который человек пытается заполнить чужим содержимым. Исцеление - в мужестве остаться с этой пустотой наедине, пока в её глубине не прорастёт собственное, живое семя. И поливать его можно только вниманием и благодарностью».

ВОЕВОДА И ОГНЕННАЯ ВОДА.

К Агате в избушку, не стуча и не спрашивая, вошел Воевода. От него пахло дымом, конской сбруей и чем-то едким, сладковатым - запахом огненной воды, что в миру людей зовётся водкой. Он был не пьян, но пропитан ею насквозь, будто его доспехи были выкованы не из стали, а из льда, который вот-вот растает и потечёт.

- Ведьма, - проскрежетал он, и голос его был хриплым, будто поржавевшим. - Мне мешает тряска. В пальцах. И в душе.

Агата, не отрываясь от ступки, кивнула. Она видела не военачальника, а пленника. Пленника бутылки, что стояла у него в походной сумке,

привязанная к седлу, как единственный верный спутник. Его зависимость была проста и стара, как мир: алкоголь. Но причина была сложнее.

- Расскажи про тряску, - попросила она, подвигая ему кружку с простой ключевой водой.

- Она начинается, когда тишина, - выдавил он, отпивая воду с таким видом, будто это лекарство. - Когда битва отгремела, приказы отданы, и остаёшься один. В этой тишине... слышно слишком много. Стон раненых, которого не было. Плач женщин, которых не защитил. Гул собственной пустоты. Огненная вода - она заливает этот гул. Делает тишину - густой и тёплой. А утром... тряска. И нужно снова заливать, чтобы руки не дрожали перед строем.

Агата поняла. Его бутылка была не для храбрости. Она была для затыкания дыр в собственной душе, для заливки внутреннего ада тихих ужасов, которые он насмотрелся. Он был зависим не от веселья, а от забвения. От возможности на несколько часов перестать быть Воеводой - человеком, несущим груз смертей и решений.

- Ты зависим, Воевода, - сказала она безжалостно. - Твоя «огненная вода» - это жидкая ложь. Она не заливает шум прошлого. Она крадёт у тебя будущее. Ты берёшь в долг у завтрашней ясности головы и твёрдости рук, чтобы оплатить сегодняшнюю минуту небытия. Ты воюешь не с врагом, а с собственной тенью, и проигрываешь.

Работа с ним должна была быть жёсткой, как его дисциплина, и простой, как приказ.

Первое: Ведомость потерь. Агата дала ему не глиняную табличку, а затупленный кинжал.

- Вырежи на этом прикладе не зарубки побед, а потери. Не сегодняшние. Завтрашние. Каждый глоток - это твой проигранный завтра бой, который ты мог бы выиграть на трезвую голову. Каждая рюмка - это солдат, которого ты завтра не заметишь, приказ, который перепутаешь, доверие, которое потеряешь. Смотри на этот список каждый раз, когда рука потянется к сумке.

Воевода, привыкший к чёткой стратегии, впервые увидел свою войну в долгосрочной перспективе. Он считал потери в людях и землях, но никогда - в собственной боеспособности. Это ударило в его профессиональную гордость сильнее любой морали.

Второе: Встреча с тишиной без шума. Агата не повела его к пропасти. Она повела его на тихое озеро на рассвете.

- Ты боишься тишины, потому что она полна призраков. Вот она. Сиди. И не убегай в бутылку. Встреться со своими призраками лицом к лицу. Посмотри, что они сделают без огненной воды в твоей крови. Может, они просто устали и хотят, чтобы их наконец увидели, а не топили.

Он сидел. Стиснув зубы до боли. Внутри всё кричало и требовало спасительного огня. Но он терпел. И постепенно крик стихал. На его место приходила не пустота, а усталость. Глубокая, простая усталость живого существа, которое слишком много видело. И в этой усталости не было ужаса. Была печаль. Человеческая печаль, которую можно было вынести. Она не требовала забвения. Она требовала лишь того, чтобы её признали.

Третье: Малый акт трезвости - Твоё царство - твоё тело, - сказала Агата. - Ты потерял над ним власть. Отвоюй его. Не сразу. По часу. Следующий час ты - трезвый Воевода. Что будешь делать? Точить меч? Чистить доспехи? Просто смотреть на огонь? Выбор за тобой. Но в этом часу нет места огненной воде. Это час твоего суверенитета.

Воевода начал с малого. Час он точил меч. Ощущая каждой клеткой, как дрожь отступает, сменяясь твёрдостью металла и собственной воли. Это было не кайф забвения. Это было трезвое, трудное, настоящее чувство контроля, возвращаемое по крупицам.

Котофей, наблюдавший с печи, на этот раз не философствовал. Он смотрел на Воеводу как на раненого зверя.

Котофей (без обычного мурлыканья): «Железный человек с глиняным стержнем внутри. Огненная вода размывает глину, и ты разваливаешься. Рецепт от кота, который знает толк в выживании:

1. Признай, что ты в осаде. Не врагом, а собственной слабостью. Бутылка - это не твой союзник, это диверсант, который каждую ночь рушит стены твоей крепости изнутри.

2. Посчитай предателей. Сколько раз твоя рука, дрожащая с похмелья, чуть не погубила тебя или твоих людей? Не считай врагов - считай эти моменты. Это и есть настоящие потери.

3. Начни с караула у собственного рта. Не на месяц. На следующий глоток. Выпей воды. Потом ещё. Потом - постой на часах в трезвости. Царство возвращается не штурмом, а сменой караулов у каждой соблазнительной мысли.

И запомни: самая страшная битва - та, что идёт в тишине твоего шатра, когда никто не видит. И победить в ней можно только холодным, трезвым умом. Всё остальное - сдача позиций».

Воевода ушёл. Он нёс в своей походной сумке не бутылку, а тяжёлую, но трезвую ясность в голове и камень усталости в груди. Это был первый день долгой войны за самого себя. Войны, где не будет громких побед, но каждый трезвый рассвет будет тихой, личной победой.

А Агата, глядя ему вслед, подумала, что некоторые сражаются с драконами, а некоторые - с демоном в стеклянной посуде. И второе часто требует больше мужества, потому что этого демона нельзя убить мечом. Его можно только пережить. День за днём. Глоток воды за глотком. Встречая свою тишину и свою боль без спасительного, лживого огня.

РЕЦЕПТ ОТ ПЬЯНОЙ СТУЖИ, ИЛИ ПОЧЕМУ ИЗБУШКА КРУТИТСЯ

Посетительницу звали Марья. Вошла она в избушку робко. Платок на плечах съехал, в глазах - отчаяние, выжженное досуха.

- Рецепт дайте! - выпалила Марья, даже не поздоровавшись. - Такой, чтоб мужа от пьянства излечил. Чтоб водяной дурман из него вышел, а душа прояснилась. Готовлю, лечу, уговариваю - всё как в стену горох. Уже и сама... - голос её дрогнул, - устала. Уйти думаю. Да страшно. А вдруг это я его последняя соломинка? Уйду - и утонет окончательно.

Агата молча поставила чугунок на огонь. Не для зелья, а для чая. Пока вода грелась, она смотрела на Марью. Что-то в её осанке, в этом отчаянии, смешанном с яростной заботой, вызвало в памяти Бабы-Яги знакомый образ. Она видела таких женщин - бившихся как рыба об лёд у края трясины, в которую погружались их близкие.

- Расскажите про вашего мужа, - тихо попросила Агата, насыпая в чай сушёную мелиссу и ягоды шиповника. - Не про пьяного. Про того, которого полюбили.

Марья замялась, потом слова полились, как из прорванной плотины. Про то, как он, Степан, мог дом срубить одной левой, как песни пел так, что птицы замолкали, как дочь маленькую на плечи сажал и нёс, словно она была царской короной. А потом... потом на него нашла Стужа. Не простуда, а именно Стужа - невидимый дух, который вымораживает душу, а тело заставляет искать хоть какого-то жара в горячем зелье. И с каждым годом Степана было всё меньше, а Стужи - всё больше.

- Хочу его спасти, - прошептала Марья, и в её глазах горел священный ужас ответственности за чужую душу.
- А если не получится? - спросила Агата, глядя, как в чугушке пузыри лопаются.
- Тогда... уйду. Надо же и себя пожалеть, и детей.
- Вот вам и первый ингредиент, - сказала Баба-Яга, наливая чай. - Признание своего права на спасение. Даже если спасаешься в одиночку.

Она дала Марье не рецепт зелья, а ритуал. Небыстрый, из трёх лунных фаз.

Первая луна: Ритуал Голоса.

«Скажи ему всё. Не кричи, а скажи. Как любила. Как больно сейчас. Как боишься. И скажи, что если Стужа не отступит к следующему полнолуннию, ты уйдёшь. Не чтобы пригрозить. А чтобы дать ему и себе честный выбор. Как в сказке: пойдёшь налево - голову сложишь, направо - коня потеряешь. Прямо... самое страшное, ведь придётся биться со своей Стужей».

Марья ушла, унося в ладонях, сложенных лодочкой, эту страшную простую истину.

А через два месяца в Лес пришла Война. Не метафора. Настоящая. С севера поползла Чёрная Немочь - липкая, смолистая тень, пожирающая краски, звуки и души. Защищать границы ушли все, кто мог держать оружие или заклятье. Ушёл и Степан. Говорят, перед уходом он три дня не пил. Смотрел на жену, на детей, как будто пытался проявить из-под слоя Стужи своё настоящее лицо. Сказал только: «Прости».

И не вернулся. Погиб в первых же стычках, прикрыв собой молодого лесовичка.

Горе Марьи было таким огромным, что даже избушка Агаты на краю Леса застонала от его тяжести. Женщина пришла, опустошённая, и в её глазах горел страшный, леденящий огонь - огонь вины.

- Я его прокляла! - выкрикнула она. - Я сказала «уйду»! И Вселенная услышала! Она забрала его навсегда, вместо того чтобы просто отпустить! Я хотела спасти, а подписала ему приговор!

Агата подошла к своему душевному зеркалу и провела по нему рукой.

- Садись, - сказала она. - Слушай сказку.

Сказка про Дровосека и Бурю.

«Жил в деревне Дровосек. Был он силён и добр. Но на него нашла Хандра, и перестал он лес валить, только у печки сидел, в пустоту глядел. Жена его, Баба-Матрёна, билась как рыба об лёд: и жалела, и ругала, и лечила. А потом плюнула и сказала: «Иди к чёрту, коли сам с собой справиться не можешь!» И в ту же ночь на деревню налетела Буря, крыши срывала. А наутро нашли Дровосека - полез соседскую кровлю держать, да бревном пришибло. И Баба-Матрёна всю жизнь думала: это я его на смерть послала, словами своими.

А мудрая Сова ей сказала: «Женка, ты себя не на ту степень важности возвела. Твои слова - это ветер. Его Хандра - это болезнь. А Буря - это Буря. Разные это силы. Ты не Богиня, чтобы жизнями распоряжаться. Ты всего лишь жена, которая устала.

И он не святой, а просто мужик, который в последний момент вспомнил, что он мужик, и пошёл делать то, что должен был. У каждой силы своя воля. Твоя воля была - выжить. Его воля была - в последний раз поступить как мужчина. Воли Бури мы не знаем. И только глупая гордыня - смешивать эти воли в одну и вешать все гири на свою душу».

Марья молчала, а по её щекам текли тихие, неистовые слёзы.

- Что же мне теперь с этой виной делать? - спросила она, уже без надрыва, с пугающей пустотой.

- А давай её приготовим, - сказала Агата и подмигнула Котофею, который фыркнул. - Вина - странная штука. Если её носить в себе - она сгниёт и отравит душу. Если выбросить - потеряешь часть памяти, а память нам нужна. Значит, надо её трансформировать.

Ритуал Второй: Переплавка Вины.

«Иди к реке, на то место, где он в последний раз целым был. Возьми с собой самый горький его хмельной напиток и самый сладкий мёд ваших счастливых дней. Вылей горькое в реку - отдай Стуже её долг. А мёд выпей сама, вспоминая не того, кто ушёл в Стужу, а того, кто пел песни и носил дочь на плечах. И скажи: «Спасибо за свет. Прости за боль. Я остаюсь жить. И память о тебе будет не ядом, а этим мёдом - сладкой и густой, какой бывает только после самой горькой зимы».

- А как же... моё желание его спасти? Оно же теперь никогда не сбудется.

- Оно и не могло сбыться, милая, - мягко сказала Агата. - Спасти можно только того, кто уже тонет. А вытащить из трясины его душу мог только он сам. Ты могла лишь бросить верёвку и крикнуть, как держаться. Он в итоге

нашёл в себе силы не за верёвку ухватиться... но за честь. Это тоже выбор. Горький для тебя. Возможно, единственно возможный для него.

Агата вручила Марье маленький глиняный горшочек.
- Это не зелье. Это семена Памятной Полыни. Горькая травка. Посади её на пороге. Когда вырастет, каждый раз, проходя мимо, ты будешь чувствовать горечь. Но знай: полынь - лучший антисептик для ран души. Она не даст твоему горю загноиться. Она будет напоминать: жизнь - она горька. Но именно эта горечь делает наш мёд - слаще, а нашу любовь (к тем, кто с нами, и к себе) - острее и бережнее.

Марья ушла, неся в себе бурю, которая начала утихать, превращаясь в долгий, пронзительный дождь.

Котофей спрыгнул с полки и потёрся об ногу Агате.
- Ну что, Ягишна, опять раздала направо-налево мудрость, которую себе самой впрок копила? - проворчал он.
- А знаешь, Котофей, - устало улыбнулась Агата, глядя в остывающий чугунок, - самая сильная магия - это не избежать боли, а научиться варить из неё такой бульон, чтобы после него хотелось жить, а не выть на луну. Пусть даже в нём будет щепотка горькой полыни. И щедрая ложка иронии к самой себе. Ибо кто, как не мы, спасённые сами от себя, знаем в этом толк?

За окном в Лесу начинало смеркаться. Война с Немочью ещё не закончилась. Но в одной маленькой избушке на курьих ножках ещё одна душа сделала самый важный шаг - не от горя прочь, а сквозь него. И это была самая настоящая, непридуманная победа.

СКАЗКА О ЗЕРКАЛЬНОЙ ДЕВЕ И ДВУХ ЛУНАХ

Часть 1. Тень в зеркальном озере

В тот вечер ветер приносил запах грозы. В избушку вошла женщина - лёгкая, как вихрь, но с глазами, полными непролитых слёз. За её спиной клубилась тень, похожая на разорванное крыло.

- Я запуталась в отраженьях, - сказала она, сжимая в руках камень с трещиной. - Всё кажется ясным, но стоит шагнуть - и земля уходит из-под ног.

Я зажгла свечу из белого воска и поставила перед ней чашу с водой из зеркального озера. В ряби отражений проступили образы: дом с окнами, похожими на глаза; две луны на небе - одна яркая, другая туманная; женщина

в чёрном плаще, протягивающая руку к её мужу; и - самое тревожное - тёмный колодец, куда падала капля за каплей её сила.

- Ты - Зеркальная Дева, - сказала я. - Твоё зеркало отражает не только мир, но и души. Но в нём есть трещина - след старого тумана, что затуманивает взгляд.

Она вздрогнула:

- Какой туман?

- Тот, что пришёл из мест, где свет не отражается. Он шепчет тебе: «Ты - не ты». Но это ложь. Ты - та, кто умеет создавать.

Часть 2. Путь сквозь отражения

После того как муж ушёл, она взялась за переделку дома - словно хотела перекроить саму себя. Каждый угол, каждая доска, каждая краска несли отпечаток её рук. Стены стали похожи на закатное небо; окна - на глаза, видящие сквозь тьму; двери - на врата в новую жизнь. По ночам ей слышался шёпот из колодца: «Ты не заслуживаешь света. Ты - отражение чужой воли». Она сжимала камень с трещиной и шептала: «Я - не колодец. Я - зеркало, которое отражает свет».

Однажды к её дому подошла странница - женщина с глазами, как два омуты. Она просила приюта. Зеркальная Дева впустила её, не зная, что та - тень её собственной тени. Странница стала жить в её доме. Она говорила мало, но каждое слово падало, как капля в колодец: «Ты слишком яркая»; «Он не достоин тебя»; «Попробуй вкус тьмы - он сладок». И однажды Зеркальная Дева поддалась. Она шагнула в отражение, где две луны слились в одну - и мир перевернулся. Когда муж окончательно ушёл, она не плакала. Она смотрела на свои руки - те самые, что создавали красоту - и думала: «Я не сломалась. Я просто упала в своё же зеркало».

После разрыва она начала замечать, что камень с трещиной перестал холодить ладонь - он стал тёплым, как сердце; колодец больше не шептал - его затянуло ряской; две луны на небе разошлись: одна осталась яркой, другая растворилась в утреннем свете. Она научилась шить платья из лунного света - мягкие, как дыхание; создавать предметы силы - ножи с рукоятками из дерева, лампы с абажурами из кожи, инструменты, что поют при работе; видеть истинные лица: кто приходит за светом, а кто - за тьмой. Однажды, глядя на своих дочерей, играющих у окна, она поняла: «Я - не отражение. Я - источник. И моя сила - в том, чтобы создавать, а не разрушать».

Казалось, всё наладилось. Но иногда тень женщины в чёрном возвращалась - не в реальности, а в мыслях: «Ты всё ещё моя»; «Ты не сможешь без меня»; «Твой свет - это моя тень». Она пришла ко мне, сжимая камень с трещиной: «Почему она не уходит?» Я поднесла к её лицу зеркало без рамы: «Посмотри. Видишь, как твоя тень танцует с её тенью? Это не битва. Это танец. И ты - ведущая».

Что видела Баба-Яга (сквозь годы)

Зеркальная Дева - не жертва отражений, а создательница миров; её руки - инструменты магии, превращающие хаос в красоту; трещина в камне - не изъян, а вход в тайную силу. Старый туман - след раны, которую нельзя стереть, но можно преобразить; соблазн тьмы - не слабость, а вызов увидеть, где кончается чужое и начинается своё; развод - не поражение, а освобождение от зеркала, которое искажало её образ. Камень с трещиной - память о прошлом, ставшая опорой; две луны - двойственность её природы: свет и тень, которые учатся жить вместе; дом - метафора её души, которую она перестроила по своему замыслу; женщина в чёрном - проекция её собственных страхов и сомнений.

Финал (на данный момент)

Сегодня она сидит у моего очага. В руках - зеркало без рамы, на коленях - кусок кожи, из которого она шьёт новый абажур. Огонь играет на её лице, и тени больше не прячутся в уголках глаз.

- Я больше не боюсь отражений, - говорит она. - Теперь я знаю: каждое зеркало - это дверь. И я сама выбираю, куда войти.

Я улыбаюсь:

- Потому что ты перестала быть отражением. Ты стала светом, который отражается.

«Помни, - шепчу я на прощание, - трещина в камне - это не рана. Это щель, сквозь которую проникает новый свет. И пока ты создаёшь, ты - цела».

Символы и скрытые смыслы

Зеркальная Дева - женщина, чья сила в способности отражать и преобразовать. Камень с трещиной - прошлая боль, превращённая в ресурс. Колодец - метафора подавленных травм и страхов. Две луны - дуальность человеческой природы: свет и тьма, которые могут сосуществовать. Женщина в чёрном - тень, проекция внутренних конфликтов. Дом - душа, которую можно перестроить. Зеркало без рамы - свобода от чужих отражений, способность

видеть себя истинную. Создание предметов - терапия творчеством, превращение боли в красоту.

Эта история - о мужестве смотреть в зеркало и не бояться увидеть там себя. О том, как тень становится частью света, а трещина - входом в новую силу. И о главном: истинная женственность - не в мягкости, а в способности создавать мир вокруг себя, даже если для этого нужно сначала разрушить старое отражение.

АРХИВАРИУС ПУСТЫХ СТРАНИЦ

Выписка Лёвы висела в воздухе сладким, пугающим миражом. Он стал чаще замирать, глядя в окно больничного сада, где теперь цвели волшебные ноготки, лечащие тоску. Его пальцы непроизвольно чертили в воздухе сложные знаки - не буквы, а скорее схемы, чертежи реальности.

- Ты чего это? - спросил Котофей, наблюдая, как Лёва бессознательно «упорядочивает» солнечные пылинки в строгий геометрический узор. - Декоратором собрался? У нас тут стиль «уютный бардак», утверждённый хозяйкой.

Лёва вздрогнул, и узор рассыпался.

- Не знаю. Руки сами. Будто что-то... просится наружу.

Первая трещина. Не в мире, а в Лёве. Ночью ему приснилось, что он в бесконечной библиотеке. Полки из тёмного дерева уходили в небеса. Он искал одну книгу - с зелёной обложкой. Но все книги на полках были... пусты. Белые, чистые страницы. И от этого бескрайнего белого поля ему стало так тошнотворно страшно, что он проснулся с криком.

А наутро в палате №7 на стене проступили контуры: тени от несуществующих полок. Они были идеально ровными, параллельными, мертвенными. В сказочном лесу Бабы-Яги (который Агата теперь нежно называла «Заповедник чувств») книги, растущие на Древе Знаний, вдруг оказались с чистыми страницами. Словно чья-то невидимая рука стёрла все истории.

- Это не нападение, - сказала Агата, проводя рукой по пустой странице. Её голос был тихим, диагностическим. - Это... симптом. Чья-то внутренняя катастрофа проецируется наружу. И это связано с порядком, с пустотой. Не с моим хаосом.

Маленькая Агата (та, что из Рая), теперь почти неотличимая от обычного ребенка, кроме лёгкой воздушности, взяла Лёву за руку:

- Тебе больно. Покажи, где болит. У нас тут все показывают.

И Лёва, под давлением их общего, ненавязчивого внимания, наконец, сказал то, что годами было скрыто даже от него самого:

- Я... не совсем пациент. Вернее, пациент, но не совсем обычный. Мои родители... они называли себя Архивариусами. Не библиотекарями. Они говорили, что реальность - это текст, и его можно... корректировать. Чтобы не было боли. Чтобы всё было правильно. А потом... они нашли какую-то «ошибку в коде». Исчезли. А у меня... всё стёрлось. И меня положили сюда, потому что я перестал говорить и начал видеть структуры во всём.

Вспышка у Лёвы.

Он, мальчик лет восьми, в кабинете, стены которого - живые, медленно движущиеся полки. Отец с серьёзным лицом: «Лев, любая сильная эмоция - это вирус в системе. Любовь, страх, ярость - они ломают логику. Мы храним равновесие». Мать ласково, но твёрдо: «Наш долг - чистить страницы от таких историй». А потом они открыли какую-то древнюю, шипящую энергией «Книгу Истоков». И свет поглотил их. А мальчику в голове прозвучал чей-то холодный голос: «Чрезмерная эмоциональная нагрузка. Запуск протокола забвения».

Он был не просто пациентом. Он был носителем. Наследником семьи, чья миссия - стирать слишком болезненные, слишком хаотичные повествования из ткани мира. Его «болезнь» - это защитный механизм, запущенный после травмы: стерильная реальность больницы была его внутренним «карантинным отделом». А теперь мир Агаты, полный неконтролируемых чувств, сказок и боли, взломал карантин. И древний, дремлющий «протокол» внутри него - его родовая программа - начал аварийную перезагрузку. Он начал бессознательно «чистить» реальность вокруг, начиная с собственных воспоминаний и задевая связанные с ним миры.

Угроза была не в монстре, а в анти-монстре. В стерилизации. В тотальном порядке, который отрицал саму жизнь с её хаосом.

- Что будем делать? - спросила Агата, глядя на Лёву, который сжался в комок, пытаясь сдержать внутри лавину «упорядочивающей» силы. - Мы не можем сражаться с твоей сутью. Это всё равно что сражаться с тобой самим.
- Можем, - сказал Котофей, внезапно серьёзный. Его шерсть встала дыбом.

- Но не сражаться. Переучить. Переписать протокол. Его предки решили, что большие чувства - это ошибка, которую нужно удалять. Мы должны показать ему... нет, доказать всей его древней, тупой, системной наследственности, что это не ошибка. Это данные. Самые важные.

План родился отчаянный и терапевтичный до безумия. Они должны были сознательно войти во внутренний ландшафт Лёвы - в ту самую Библиотеку Пустых Страниц. И не уничтожить её, а... наполнить.

Но для этого им понадобились не сила, а свидетельства. Им нужны были самые сильные, самые неудобные, самые хаотичные истории из обоих миров. Чтобы записать их на чистые страницы.

Агата обратилась к своим «пациентам»:

- Мне нужны ваши истории. Самые страшные. Самые стыдные. Самые нелепые. Те, от которых вы прятались. Мы отнесём их в одно особое место. Чтобы спасти друга.

И понеслись истории. Ворчливый водяной отдал страх, что его забудут, когда высохнет последний ручей. Медсестра из реального мира - историю о своей панике в первый день работы. Кикимора - память о том, как её дразнили за несуразность. Даже Леший принёс зашифрованное в коряге чувство вины за потерянного в лесу ребёнка много лет назад.

Агата взяла самую главную историю - свой собственный страх стать Бабой-Ягой, свой гнев на мир, свою боль отверженной девочки. Она записала её не чернилами, а прожиганием по пергаменту - так оставались и шрамы, и текст.

С этим арсеналом хрупких, неидеальных, живых повествований они - Агата, маленькая Агата, Котофей и группа поддержки из ключевых существ - вошли в портал, который открылся в стене палаты №7. Он вёл в холодное, бесконечное, бесшумное пространство Библиотеки Лёвы.

И там, в самом центре, за пультом управления из света и тени, стоял он. Но не Лёва. Его Внутренний Архивариус - бесстрастная, сияющая холодным светом проекция его родовой программы. Рядом с ним, призрачными силуэтами, маячили тени его родителей.

- Эмоциональный хаос обнаружен, - прозвучал металлический голос Архивариуса. - Угроза целостности системы. Начинаю очистку.

И полки начали сдвигаться, чтобы раздавить непрошенных гостей. Белые листы вихрем полетели на них, грозя поглотить, стереть их сущности.

Тогда Агата сделала единственное, что могло сработать. Она не стала атаковать.

Она начала рассказывать.

Она вынула первую историю - историю Водяного - и громко, чётко, вкладывая в неё всё сочувствие, прочла её перед надвигающейся стеной белых страниц.

И случилось чудо. На одной из летящих пустых страниц проступили чернила. Появилось изображение грустного водяного и строчки: «Страх забвения - это память о том, что ты был любим».

Архивариус замер. Система дала сбой. Логика очистки не могла обработать этот парадокс: история о страхе стала доказательством существования любви.

Они шли вглубь, как отряд терапевтов-диверсантов. Каждая история, брошенная в белую пустоту, как камень в пруд, создавала круги - новые смыслы. Страх медсестры становился историей о мужестве. Стыд Кикиморы - историей об уникальности. Боль Лешего - историей об ответственности.

Наконец, в самом сердце библиотеки, перед ошеломлённым и постепенно возвращающимся к себе Лёвой, Агата достала свою историю. Историю Бабы-Яги.

- Это не ошибка, - сказала она, глядя в безликий свет Архивариуса и призраки его родителей. - Это адаптация. Боль была слишком велика, и мой разум создал целый мир, чтобы её вынести. Стереть эту историю - значит стереть меня. А я заслуживаю существования. Со всеми своими шрамами и сказками.

Она протянула страницу Лёве.

- И ты - тоже. Со всей своей болью, потерей и этим... наследием порядка. Ты не должен его уничтожать. Ты можешь дописать. Добавить в их систему новый раздел: «Глава о том, как чувства не ломают логику, а дают ей цель».

Лёва взял страницу. Его рука дрожала. Он посмотрел на призраков родителей, и в его глазах стояли не только слёзы, но и твёрдость.

- Мама, папа, - тихо сказал он. - Вы хотели убрать боль. Но вы убрали и жизнь. Я выбираю жизнь. Со всей её болью. И я буду хранить не порядок, а истории. Все до одной.

Он приложил ладонь к пульту управления.

Вместо команды «СТЕРЕТЬ» он мысленно ввёл новую: «СОХРАНИТЬ. АРХИВИРОВАТЬ. ПОНЯТЬ».

Библиотека вздохнула. Холодный свет сменился тёплым, золотистым. Пустые полки начали заполняться книгами - теми самыми, что они принесли.

Тени родителей улыгнулись - впервые с человеческой грустью и гордостью - и растворились, наконец обретя покой.

Архивариус не исчез. Он изменился. Теперь это был Хранитель Нарратива, с тихим голосом, похожим на шелест страниц.
- Протокол перезаписан, - сказал он. - Цель: сохранение целостности опыта. Эмоциональные данные признаны валидными.

Когда они вернулись, стены палаты №7 были чистыми. Но в углу стоял небольшой, тёплого дерева, книжный шкаф. В нём лежали те самые истории, переплетённые в аккуратные тома. А в сказочном лесу на Древе Знаний среди прежних текстов появились новые - строгие, красивые, как поэмы, рассказы о порядке, который служит жизни, а не отрицает её.

Лёва не просто выздоровел. Он нашёл призвание. Он стал мостом между двумя видами магии: магией хаотичного чувства Агаты и магией структуры своего рода. Теперь они вдвоем могли помогать тем, чьи внутренние миры рушатся либо от избытка чувств, либо от их тотального подавления.

Котофей, наблюдая, как они составляют первый совместный «учебник по интеграции внутренних реальностей», мурлыкал, свернувшись на подушке из географических карт:
- Вот видите. Самый лучший порядок - это порядок, в котором есть специально отведённое, уютное место для творческого беспорядка. И наоборот. Теперь у нас, можно сказать, полный фэн-шуй души. Поздравляю.

И больница, и Заповедник чувств обрели не просто мирное сосуществование. Они обрели симбиоз. Где самая страшная сказка могла быть аккуратно каталогизирована, а самая сухая медицинская карта - иметь волшебное послесловие о надежде.

А где-то в глубине новых архивов, на самой верхней полке, лежала тонкая книжка в зелёной обложке. Её страницы были уже не пусты. На первой было написано: «Начало. История о том, как мальчик, который боялся чувств, и девочка, которая была ими переполнена, спасли друг друга и переписали правила».

БЕЗУПРЕЧНОСТЬ, КОТОРАЯ ОТНИМАЕТ ДОМ

Путешествие Агаты в глубины библиотеки Лёвы было подобно глубоководному погружению. Пока она помогала ему переписывать код его

реальности, её собственная избушка на курьих ножках и больничный пост оставались на попечении. Но не одного Котофея (кот был гениальным тактиком, но катастрофическим хозяйственником), а... её свекрови, Марфы Петровны.

Марфа Петровна была человеком-системой. В её мире не было места «глюкам», «сказкам» и «творческому беспорядку». Увидев избушку, она не увидела волшебного сердца двух миров. Она увидела антисанитарию, бардак и рассадник бесовщины. И с энтузиазмом прачки, получившей стирку в царские покои, взялась за дело.

За несколько месяцев она совершила то, чего не смогли бы ни Кощей, ни армия скучных чиновников: она вычистила душу из дома.

Когда Агата, наконец, вернулась - уставшая, но наполненная новой мудростью о балансе, - её ждал шок.

Избушка на курьих ножках сияла. Стены были выбелены до болезненной белизны. Полы натёрты до скрипа. Все склянки с зельями стояли в идеальных рядах по алфавиту, с аккуратными этикетками на машинке. «Отвар забытья» рядом с «Настойкой веселья». Сухие травы висели не живописными пучками, а были расфасованы по герметичным банкам с указанием даты сбора и срока годности. Костяная нога была отполирована и стояла на войлочной подставке, как музейный экспонат. Даже печь, сердце избушки, казалась холодной и вычищенной до стерильности.

В больничном корпусе было ещё страшнее. Кикимора в крахмальном чепчике и фартуке молча и эффективно разносила лекарства по минутам. Леший, подстриженный и в отглаженной форме, выписывал пропуска в лес не для прогулок, а «согласно графику проветривания помещений». Пациенты были сыты, ухожены и... абсолютно безмолвны. Даже дети не смеялись. Всё работало. Как часы. Мёртвые часы.

Агата стояла посреди своей сияющей кухни и не могла сварить даже чаю. Она не знала, где теперь лежит любимая зазубренная кружка. Не чувствовала знакомого запаха пыли, трав и тайны. Дом был идеален. И абсолютно чужой.

- Марфа Петровна, - сказала Агата, пытаюсь сохранить уважение, - вы проделали титанический труд. Но... где мои черновики? Где корень мандрагоры, что ворчал по утрам? Где пыль с крыльев снов, которую я собирала для лёгких кошмаров?

- Всё по местам, Агаточка, - ответила свекровь, поправляя идеальную салфетку на столе. - Черновики - это беспорядок. Я их утилизировала. Корень ворчал - значит, испортился. Выбросила. А пыль эта - аллерген страшный. Проветрила. Теперь тут жить можно. Смотри, муж доволен, дети прибраны.

И это было правдой. Муж Агаты, всегда тосковавший по простому порядку, вальяжно развалился на вычищенном сундуке и говорил: «Отлично как! Ничего не скрипит, не пахнет, не валится под ноги». А дети... дети робко жались в уголке, боясь нарушить безупречную гармонию.

Кризис был экзистенциальным. Это не было злом. Это было «добром», которое убивало её суть. Марфа Петровна не хотела зла. Она искренне заботилась. И от этой искренности было не спастись заклинанием.

Агата чувствовала, как её новая, обретённая целостность трещит по швам. Она снова почувствовала себя маленькой девочкой, которой говорят: «Убери эти каракули, наведи порядок в голове».

- Она выскребла меня из моего же дома, - прошептала она Лёве, который пришёл поддержать её. - Она вымыла до дыр все мои воспоминания, которые жили в пыльных углах.

- Гиперопека, доведённая до абсолюта, - диагностировал Лёва, глядя на сияющий пол. - Попытка тотального контроля над средой, чтобы подавить в ней любую спонтанность, которую она воспринимает как угрозу. Классика.

На помощь пришёл, как всегда, Котофей. Он был единственным, кого Марфа Петровна не смогла «прибрать». Он просто материализовался на идеально выглаженной скатерти, оставив на ней следы лап.

- Проблема в том, - сказал кот, облизывая лапу, - что ты не можешь объявить ей войну. Потому что она права с точки зрения своего мира. Всё чисто, всё накормлено. Твоя избушка теперь прошла проверку СЭС с блестящим отчётом. Ты проиграла, не начав боя.

- Что же делать? - в отчаянии спросила Агата.

- То, что мы делали в моей библиотеке, - сказал Лёва, и в его глазах мелькнула искра нового, обретённого понимания. - Не бороться с системой. Внести в неё новый параметр. Её порядок основан на логике полезности, гигиены и эффективности. Надо доказать, что твой «беспорядок» - не дефект, а функциональная особенность. Что пыль снов лечит, а ворчащая мандрагора - лучший будильник от апатии.

Так родился План «Живой Уют».

Они решили не спорить, а демонстрировать. Агата, с одобрения Марфы Петровны («Ну, раз надо для дела...»), объявила о «практическом семинаре по интегративной терапии средой».

Первый акт: Зелье vs. Компот. Марфа Петровна с гордостью показывала свои ряды склянок. Агата попросила её сварить успокоительное для самого тревожного пациента. Марфа Петровна взяла банку с этикеткой «Пустырник, сбор 10.23». Зелье получилось правильным, безвкусным и... неработающим. Потом Агата, закрыв глаза и чуя нужное, набрала щепотку из трёх разных, чуть пыльных баночек, добавила лепесток, залетевший в окно, и каплю собственной усталости в кипяток. Напиток зашипел, стал цветом заката и, будучи выпитым, подарил пациенту не просто покой, а первый за годы спокойный сон. «Это не по инструкции!» - возмутилась Марфа Петровна. «Но это работает», - мягко сказал Лёва, показывая графики мозговых волн.

Второй акт: Дети. Марфа Петровна хвасталась, что дети теперь не пачкаются и не шумят. И тогда маленькая Агата (та самая, из Рая) привела в гости больничных детей и сказочных существ-малышей. В идеальной гостиной начался, с разрешения Агаты, «контролируемый творческий хаос»: лепка из глины, которая пачкала пол, смех, тихие споры. И из этого хаоса родилась игрушка - кривая, трогательная птица из глины и пёрышек, которую тут же обнял самый замкнутый мальчик. Марфа Петровна хотела было вытереть пол, но замерла, увидев его лицо. Впервые за месяц оно было не просто чистым, а живым.

Третий, решающий акт: Муж. Он жаловался на лёгкую хандру. Марфа Петровна прописала режим и витамины. Агата, ничего не говоря, налила ему в ту самую, найденную наконец, зазубренную кружку чаю, заваренного на тех самых «неправильных», собранных вразнобой травах. И поставила перед ним старую, чуть расстроенную гусли, на которых он любил брэнчать, но которые Марфа Петровна убрала на антресоль «от греха». Через полчаса он тихонько наигрывал, а хандра уходила. «Это... ностальгия какая-то», - сказал он, удивлённый. «Это не ностальгия, - сказала Агата. - Это атмосфера. Её нельзя разложить по полочкам. Её можно только чувствовать».

Марфа Петровна наблюдала. Её система давала сбой. Её логика не могла отрицать результатов: выздоровление, счастье, покой. Но эти результаты достигались методами, которые в её таблицах значились как «недопустимые».

И тут вступил Котофей. Он подошёл к ней, сел на корточки и посмотрел на неё своими жёлтыми, всепонимающими глазами.

- Вы знаете, - сказал он на кошачьем, который она почему-то вдруг поняла, - порядок - это прекрасно. Но он, как скелет. Без мышц, крови и нервов - это просто сухая коллекция палочек. Ваша невестка - это как раз мышцы, кровь и нервы этого дома. Вы можете вычистить пыль, но если вы вычистите пульс, останется только красивая оболочка. Вам жить в музее или в доме?

Марфа Петровна долго молчала. Потом медленно подошла к полке с идеальными банками и... слегка сдвинула две из них, нарушили безупречный ряд.

- Ладно, - выдохнула она. - Пусть ваша... атмосфера будет. Но в пределах разумного! И чтобы пол мыли раз в неделю, а не раз в полгода!

Это была не полная капитуляция. Это было заключение перемирия. Введение в её идеальную систему нового, самого важного параметра: «Коэффициент жизненности». Теперь в доме было два центра: блестящая, образцовая кухня Марфы Петровны и слегка закопчённая, пахнувшая десятком трав, живая печь Агаты. И они не враждовали, а дополняли друг друга. Одна обеспечивала надёжный тыл, другая - творческий прорыв.

Агата снова могла дышать. Её дом вернулся. Не прежний, а обогащённый.

Теперь в нём были не только творческий беспорядок, но и островки безупречного порядка, куда можно было прийти, когда душа просила покоя и ясности. И она поняла самую главную вещь: чтобы защитить свой уникальный, живой мир, иногда нужно не сражаться с драконами, а...научить дракона мыть посуду. И выделить ему для этого идеально организованный шкаф.

ВЫСОКОМЕРИЕ ТЁМНОЙ ЛАМЫ, ИЛИ ПОЧЕМУ ЛЕШИЙ ЗАВЁЛ БЛОГ-ЖАЛОБУ

В объединённых мирах воцарился хрупкий баланс. Но у всякого баланса есть обратная сторона. И имя ей - Агата-Яга, Непризнанный Гений Душевного Ландшафтостроения.

Её терапевтический успех с Лёвой и победа над тотальным порядком свекрови вскружили ей голову. Она больше не чувствовала себя бывшей пациенткой или мятущейся душой. Она ощущала себя архитектором реальностей, тёмной ламой от психологии, непонятой пророчицей.

И это высокомерие проявлялось не злобно, а с удушающей, благонамеренной снисходительностью.

Нюансы её высокомерия:

1. Стратегия «Я вижу тебя насквозь, милый». Она перестала слушать слова. Она «видела корень проблемы» сразу, с первого взгляда. Пришёл к ней пациент жаловаться на бессонницу - а она, не дослушав, качает головой: «О, это не бессонница. Это твой внутренний Гном-Недотёпа боится темноты. Мы будем лечить гнома». И человек, который просто хотел снотворное, оказывался вовлечён в трёхнедельный ритуал «убаюкивания внутренней сущности» с арт-терапией и запахами.
2. Стратегия «Мой хаос священен». Её творческий беспорядок стал неприкосновенной догмой. Любая попытка Марфы Петровны навести элементарную чистоту (чтобы, например, не скользить по разлитому зелью иллюзий) встречалась с театральным вздохом: «Мама, вы хотите стерилизовать саму жизнь! Выметая пыль, вы выметаете возможности!». Крошки на полу были «знаками судьбы», а гора немытой посуды - «инсталляцией о бренности бытия».
3. Стратегия «Я страдала больше тебя, поэтому я знаю лучше». Любая чужая проблема меркла перед её опытом. «Ты говоришь, у тебя депрессия? Милый, я целый мир из депрессии выстроила и населила! Вот тебе задание - слепи из глины свою тоску и устрой ей собеседование. Я в своё время целую избушку на ножках вырастила!».
4. Стратегия «Добровольно-принудительное погружение». Она решила, что её метод - панацея. И начала «заботиться». Без спроса. Леший, довольный своей ролью санитара-сказочника, однажды утром обнаружил, что его уютная каморка превращена в «пещеру для регрессии в детские травмы лесных духов». Всё убрано, а вместо кровати - гнездо из мха. «Чтобы ты лучше чувствовал свою архетипическую сущность, дорогой!».

Кульминацией стал «Кризис Котофея».

Кот, существо, ценившее личный комфорт выше всех мировых законов, пришёл к ней с простой просьбой: «Хозяйка, в моём уголке на печи сквозняк. Подложи старую шаль».

Агата посмотрела на него взглядом, полным вселенской скорби.

- Котофей, Котофей... Ты просишь шаль? Ты не понимаешь. Этот сквозняк - не дыра в изоляции. Это портал. Портал твоего неприятия близости! Ты хочешь заткнуть его тканью, вместо того чтобы проработать свою кошачью травму покинутости! Завтра начинаем курс. Ты будешь вышивать этот портал самой судьбой, осознавая каждый стежок.

Котофей молча посмотрел на неё. Жёлтые глаза сузились до щелочек. Он развернулся и ушёл. Не сквозь стену. А обычным, кошачьим шагом, полным беспрецедентного человеческого достоинства.

На следующий день в глубинах межмировой сети (которую обслуживали техно-домовые) появился анонимный блог. Назывался он «Сказочный Аноним». Первый пост был заголовком:

«Моя тёмная лАма, или Как меня лечат от болезней, которых у меня нет».

Пост был написан едким, язвительным слогом. Без имён, но с узнаваемыми деталями. Про Гнома-Недотёпу, про инсталляцию из грязной посуды, про собеседование с тоской. Блог взорвался. Комментарии понеслись лавиной.

Леший: «Автор, вы описали мою „пещеру“! Я теперь сплю в гнезде и боюсь оттуда выпасть! +100500».
Водяной: «А мне сказали, что мой пруд - это „зеркало невыплаканных слёз“». Заставили его солёными слезами чистить! Рыбадохнет!»
Даже тихая Кикимора: «Меня заставили „отыгрывать агрессию“ на картонных фигурках начальства. Я их аккуратно сложила в архив. Мне теперь стыдно».

Агата наткнулась на блог случайно. Сначала - возмущение. «Неблагодарность! Невежество! Они не понимают глубины процесса!». Она села отвечать. Длинно, витиевато, с цитатами из Юнга и метафорами про корни деревьев. Пост был подписан: «Тот, кто даёт вам крылья, даже если вы предпочитаете ползать».

Ответ был мгновенным. От самого язвительного комментатора (ник «Скелет_в_Шкафу», но все догадывались, кто это). «Дорогая тёмная лАма. Крылья - это прекрасно. Но прежде чем их давать, спросите: а человек-то летать хочет? Может, ему просто удобные тапки нужны. Или, как в моём случае, - чтобы его угол не называли порталом в прошлые жизни, а просто забили ватой. С уважением, ползающее существо».

Это был удар ниже пояса. Но не злой. Точный. Как игла в надутую воздухом идею.

Агата сидела перед экраном, и её вдруг осенило. Она вспомнила самое начало. Свою боль, когда мир не принимал её сказки. Когда её «глубину» называли побегом. А теперь она сама... навязывала свою «глубину» другим. Стала миссис Док из своих же кошмаров, только в модном плаще мистика и с дипломом от собственных травм.

К ней тихо вошёл Лёва. Не как пациент, а как коллега.

- Читаю твой ответ в блоге, - сказал он, садясь рядом. - Знаешь, в моих архивах есть термин: «насильственная психологизация». Когда инструменты помощи становятся орудием для утверждения собственного превосходства. Ты строишь им индивидуальные реальности. А они, может, хотят просто починить крышу в своей старой.

- Но я же правда хочу помочь! - вырвалось у Агаты.

- А они правда хотят, чтобы им помогли их способом, - мягко сказал Лёва. - Ты совершила классическую ошибку гения: начала верить, что твой уникальный путь - единственно верный для всех. Ты заменила шаблон «нормальности» на шаблон «глубинной проработки». Но суть-то одна: шаблон.

Наступило молчание. Горькое, очищающее.

Исправление. Агата не стала оправдываться в блоге. Она сделала три простых шага:

1. Извинилась перед Котофеем. Лично. И забила ватой тот самый сквозняк.
2. Устроила «день обратной связи». Вышла к своим «пациентам» и «подопечным» и сказала: «Я облажалась. Расскажите, какая помощь вам на самом деле нужна. Простыми словами. Без гномов и порталов».
3. Перестала быть «тёмной ламой». Стала «мастерской по ремонту реальностей». Вывесила прейскурант услуг: «Чистка энергетических каналов (по желанию)», «Арт-терапия (при наличии согласия)», «Банальная беседа с чаем (самый популярный тариф)».

Высокомерие не исчезло совсем - оно было частью её. Но оно обрело смирение. Она поняла, что величайшая магия - не в том, чтобы навязать другим свой волшебный мир, а в том, чтобы помочь им найти волшебство в их собственном, даже если оно выглядит как пара тапок и чашка обычного чая.

А блог «Сказочный Аноним» остался. Теперь он вёл рубрику «Как мы пережили креативную гиперопеку» и был самым популярным местом для профилактики духовного высокомерия во всех трёх мирах. Котофей, конечно, был его главным редактором. Анонимно.

МОЛОКО И МЕТАМОРФОЗЫ.

...Невыносимо захотелось молока...

...Ужасно, до дрожи в коленках, до забытья.

Агата протёрла глаза в предрассветной тьме, будто оттирая от век старую позолоту снов, и побрела к холодильнику. Налила в глиняную кружку. Выпила залпом. Прохладная, жирная волна ударила в нёбо, и память вскрикнула, как спящая птица: мамины чебуреки, жаркие, пахнущие лучом и мясом, и тут же - длинный, кайфовый глоток ледяного молока, смывающего жир и оставляющего во рту чистый, детский, белый вкус дома.

Этого не было лет двадцать. С тех самых далёких пор, когда мама была жива, а дом - не избушкой, а крепостью с тёплой кухней.

Она налила вторую кружку. Выпила. Третью. Пила, как пустынный источник, которого не было всю жизнь. А потом... мир накренился. Не от молока. От насыщения чем-то иным. Не жидкостью, а самой сутью белого, питающего, простого потока. И в этом потоке что-то в ней... отцепилось.

Она открыла глаза. Но видела не привычным зрением. Она видела полосато. Мир состоял из ароматных столбов (запах хлеба, мышинного гнезда, старого дерева) и вибрирующих звуковых волн (тиканье часов было громовым раскатом, а её собственное дыхание - шумом печи). Она попробовала встать - и тело послушно, гибко, бесшумно соскользнуло с табурета на пол. На пол лапами. Пушистыми, мягкими, с острыми коготками.

Она была в теле Котофея.

А в это время сам Котофей, проснувшись на своей тёплой печи, почувствовал небывалую тяжесть. Тяжесть костей, тяжесть груди, свинцовую усталость в пояснице и странную, ноющую пустоту там, где должен быть пушистый, самодостаточный комок счастья. Он открыл глаза и увидел мир плоским и скучным, лишённым запаховых коридоров и звуковых тоннелей. Им двигала одна мысль: «Какая гадость. Надо варить зелье. Или лечь пластом». Он был в теле Агаты.

Начался Великий Хаос.

Агата-Кот первым делом в панике запрыгнула на стол и смахнула лапой любимую Агатину чашку. Секунду наслаждаясь звоном, она тут же ощутила приступ дикой, кошачьей радости от разрушения. Её тут же накрыл стыд. «Боже, что я делаю?!» - подумала она, но мысль прозвучала тихим, довольным мурлыканьем. Потом её нос, этот идеальный прибор, уловил запах Мыши. Не просто запах - целую сагу о страхе, сыре, тёплой бумаге и быстрых лапках. Раньше она мышей выгоняла. Теперь она их понимала. И, подкравшись к норке, она не зашипела, а прошептала (мысленно, мурлыкая): «Выходи. Я не съем. Мне... интересно». И мышь, к ужасу Агаты в её же кошачьей голове, вышла. И они смотрели друг на друга. И Агата узнала, что мир мыши - это мир бесконечных лабиринтов в стенах и титанических путешествий за крошкой. Она приобрела мудрость горизонтального мира - мира под ногами, в щелях, в темноте, который полон жизни, невидимой с высоты человеческого роста.

Котофей-Агата же сел на пол посреди кухни, потому что идти к креслу было далеко и бессмысленно. Он смотрел на свои большие, неуклюжие ладони и чувствовал тяжкий крест ответственности. Каждая вещь в избе ждала действия: печь - дров, котёл - зелий, клиенты - советов. Он понял, что быть Агатой - это не быть могучей Ягой. Это быть службой срочной доставки утешения, разгребателем чужих энергетических обломков. Его кошачья философия «помуржай да полежи» разбилась о суровую реальность человеческого долга. Он приобрёл знание о вертикальном давлении - о том, как тяжело держать на плечах небо чужих ожиданий.

К вечеру они кое-как научились коммуницировать. Агата-Кот писала лапкой на рассыпанной золе. Котофей-Агата мычал и показывал на вещи. Выяснилось, что поменяла их та самая ностальгическая энергия молока - энергия абсолютного, детского принятия, безусловного питания. Она на миг растворила границы их самых устоявшихся ролей: Дающая и Принимающий. Чтобы каждый увидел изнанку.

Что они вынесли из этого дня?

Агата узнала, что быть котом - это искусство получать удовольствие от момента, не неся за него ответственности. Что мудрость - не только в сложных зельях, но и в умении свернуться клубком в луче солнца и сделать этот луч смыслом дня. Что мир полон диалогов (с мышами, с пылью, с лучом света), к которым люди глухи.

Котофей понял, что быть Агатой - это героическая, истощающая аскеза. Что каждое её «мудрое» слово выковано в горниле личной боли. Что её сила - не врождённая, а выстраданная, и держится она на тонкой нити воли, которая рвётся каждый день. Он проникся к ней не просто уважением, а кошачьим пиететом, каким испытывают к самому тёплому и надёжному месту в доме.

На рассвете следующего дня, выпив ещё по кружке того волшебного молока (теперь уже вместе, сидя на полу - огромная уставшая женщина и маленький мудрый кот), они почувствовали легкий толчок. Мир перевернулся, как блины на сковороде. Они были в своих телах.

Всё было как прежде. Но - не совсем.

Агата теперь, слушая клиента, иногда замирала, как кот, вслушиваясь не в слова, а в тишину между ними, в запах их боли. А Котофей, вместо едкого комментария, иногда молча тыкался лбом в её ладонь, делясь не мудростью, а тихой поддержкой того, кто несёт непосильное. Молоко, благостный, белый поток детства, сделало свое дело. Оно не вернуло маму. Оно смешало на миг сущности, чтобы каждая увидела мир глазами другого. И обнаружила, что самая большая мудрость - не в том, чтобы быть могучей Ягой или ироничным Котом. А в гибкости. В способности иногда - пить молоко залпом, чувствуя вкус давно утерянного рая. А иногда - быть этим молоком для других: простым, питающим, белым потоком принятия, без вопросов и диагнозов.

И с тех пор в избушке на краю леса иногда можно было увидеть странную картину: Баба-Яга и Кот сидят перед одной чашкой. И пьют молоко. Медленно. По очереди. Как два существа, которые наконец-то поняли самую простую и самую сложную правду: они - не роли. Они - два разных способа любить этот мир. Один - служа ему. Другой - принимая его служение. И это - один и тот же круговорот. Как день и ночь. Как выдох и вдох. Как человек и его тень, которая иногда, выпив волшебного молока, решает поменяться с ним местами - просто чтобы понять.

СКАЗКА О ТОМ, КАК КОТОФЕЙ НАШЁЛ СВОЙ МАГИЧЕСКИЙ БЯЗ И ЧУТЬ НЕ УСТРОИЛ МЕЖМИРОВОЙ СКАНДАЛ

Всё началось с того, что Котофей Игнатич внезапно перестал воровать сгущёнку из буфета. Это был тревожнейший звоночек, страшнее, чем если бы избушка вдруг встала на лапы и ускакала в закат.

- Кот, ты жив? - обеспокоенно ткнула его костяной ногой Агата. - Или ты, наконец, материализовался в параллельном измерении, где нет рыбных консервов?

- Тсссс! - прошипел Котофей, не отрываясь от планшета. Из его наушников доносились залихватские биты и чарующий вокал. - Идёт священнодействие! V исполняет свою партию в «Black Swan»! Это же чистый шаманизм, я тебе как специалист по межмировым вибрациям говорю!

Выяснилось, что кот, существо, столетиями презиравшее «человеческие заморочки», попал в идеальную ловушку. Он стал фанатом BTS, а конкретно - Ким Тэхёна по сцене V. И дело было не только в музыке.

- Ты не понимаешь, - с придыханием объяснял кот Агате, показывая клип. - Смотри! Его танец - это не просто движения. Это визуализация магических потоков! А этот взгляд? Это классический «гламур» - чары пристального взора, от которого у духов мурашки! И голос... Голос - это чистый серен-мана, песня завлечения! О, я читал трактаты! Он один из них!

- Кто таких? - устало спросила Агата, разыскивая свои закликательные чернила, которые кот, видимо, утащил для фан-арта.

- Эльфов Очарования! Или, на современный лад, - идолов-суккубов! - торжественно объявил Котофей. - Существа, чья базовая магия - быть неотразимыми. Они собирают эмоциональную энергию восхищения, превращают её в свет и творят чудеса! Тэхён-сси - явно наследник древнего рода. Возможно, его предки пели для драконов или умирляли бури. А теперь он умиряет хит-парады!

Агата отмахнулась. Подумаешь, кот увлётся поп-культурой. Пока не обнаружила, что её лучшая летающая мазь («Ночной полёт с ноткой полыни») тает на глазах, а запас волшебной пыли для связи с духами растрочен на блёстки для самодельного фан-лотка.

Кульминация наступила, когда Котофей, обвешанный амулетами из фантиков и набравшийся смелости от прослушивания «Dynamite» на повторе, объявил:

- Всё. Я еду в Сеул. Надо установить дипломатическую связь между нашим Заповедником Чувств и его источником вдохновения.
- Ты КОТ! - взвыла Агата. - И ты из другого измерения! Он подумает, что у него галлюцинации от переутомления!
- Пустяки! - мнил себя Джеймс Бондом кот. - Я проанализировал 300 часов его контента. Он любит странных существ! У него есть плюшевый тигр Тэтай! Я буду живым Тэтаем! Только более философским! Я передам ему магический артефакт!

«Артефактом» оказался Слеза Лешего (редкая субстанция, вызывающая приступ чистой, бескорыстной ностальгии) и Сопелька маленькой Агаты в пузырьке (сильнейший концентрат детской веры в чудо). Упаковано всё было в коробку от больничных сухарей.

План был безумен: использовать летающую мазь Агаты, чтобы добраться до «места сильной эмоциональной концентрации» (стадиона на концерте), и, используя момент всеобщего экстаза, материализоваться за кулисами.

Юмористическая сцена провала:

Кот, вымазанный мазью и обмотанный в накидку-невидимку (которая от старости то и дело моргала, выдавая пушистый хвост), парил где-то над Японским морем, когда мазь стала заканчиваться.

- Чёрт! Расчёты Лапухина-Котофея не учли поправку на муссоны! - ругался он, беспомощно кружась в воздушном потоке. - Придётся использовать экстренный портал!

Он попытался открыть портал кристаллом-шарлатаном, ориентируясь на «энергетический след V в информационном поле». Получилась дыра в пространстве прямо над... кухней скромной пожилой пары в Пусане. Увидев в воздухе говорящего, полупрозрачного кота с блёстками, бабушка Чан просто взмахнула скалкой, как истинная победительница злых духов. Котофей едва увернулся, портал захлопнулся, и он с позором, с прилипшим к спине пельменем, вернулся на свою печь.

Униженный и голодный, он признал поражение. Но не сдался.

Ненавязчивая информация через диалог с Лёвой:

- Ты прав, - вздохнул кот, позволяя Лёве прикладывать к шишке тёплую грелку. - Его магия работает на дистанции. Он не колдует палочкой. Он колдует присутствием. Это высший пилотаж! Он излучает волны «фида» (fear of missing out - страх что-то упустить) и абсолютной, чистой вовлечённости. Он влюбляет в себя не чарами, а аутентичностью - это сильнее любого приворота! И эта магия проникает даже сквозь межмировые барьеры. Что я и доказал, сидя тут, на своей печи.
- Это называется «талант и харизма», - улыбнулся Лёва.
- Харизма - это и есть недоказуемая, но работающая магия для масс! - парировал кот.

Финал был гениален. Агата, сжавшись, предложила современное решение. Они сняли на видео обращение от «Хранителей Заповедника Чувств (Российское отделение)». Котофей, в своём самом аристократичном облики, за кадром надиктовал речь о «волшебстве искусства, стирающем границы». Видео, закрученное магией техно-домовых в алгоритмы соцсетей, каким-то чудом (или не-чудом) попало в поле зрения менеджеров Big Hit.

Через месяц пришёл ответ. Не автограф. А NFT-токен с уникальным рисунком - полукот-полуфеникс, сидящий на луне, - и подписью «V». И сопроводительное письмо: «Спасибо за ваше уникальное видение. Тэхён-сси считает, что магия искусства действительно повсюду. Пусть ваш заповедник процветает».

Котофей распечатал токен, вставил в рамочку и повесил рядом с печью. - Видишь? - сказал он Агате с новым, здоровым спокойствием. - Контакт установлен. Дипломатическая миссия выполнена. Он знает о нашем существовании. Он кивнул в нашу сторону через цифровое заклинание. Этого достаточно. Теперь я могу наслаждаться его магией, не пытаюсь ворваться к нему в гримёрку. Это называется здоровая дистанция поклонения.

- И сгущёнка? - осторожно спросила Агата.
- Сгущёнка, - мурлыкнул кот, уже направляясь к буфету, - теперь будет сопровождаться саундтреком «Butter». Для лучшего усвоения. Это научно. Вернее, магически-научно.

И с тех пор, когда в Заповеднике Чувств звучала музыка BTS, все знали - это Котофей заряжает свои личные магические батарейки. А Агата иногда ловила себя на мысли, что в этих песнях действительно есть капелька чистого, незамутнённого волшебства. То ли от эльфов очарования, то ли просто от таланта, который и есть самая сильная магия в любой вселенной.

НАЙДЕННЫЕ ЗАПИСИ ИЗ ПЛЕСЕНЕВШЕГО БЛОКНОТА
«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ КОШАЧЬЕЙ МУДРОСТИ. ТОМ 1-ЫЙ, И
ПОСЛЕДНИЙ, СЛАВА БАЦУ»

(Подшивка из-под печки в избушке Агаты. Почерк - то ли детский, то ли когтями. Пятна, пахнет сгущёнкой, пылью и высокомерием).

Запись 1-я. О природе вещей.

Сегодня осознал. Весь мир - это один большой, неухоженный, засаленный коврик у двери.

Люди топчутся по нему, вытирая ноги от грязи суеты. Духи - невидимые пылинки, что летят с этого ковра в солнечном луче и кажутся чем-то важным.

Я же - тот, кто лежит на этом коврике посреди коридора. Меня обходят. Мной восхищаются («ой, какая шерстка!»). На меня иногда наступают. Но суть в позе: я всегда в центре. И наблюдаю. И сплю. Это и есть высшая форма бытия - осознанный сон на обочине мироздания.

Пробовал объяснить это Агате. Она сказала: «Кот, ты опять в пролитом зелье валялся? Это не коврик мироздания, это половичок. И сними его, надо постирать».

Не доросла.

Запись 7-я. Диалог с Домовым Аркадием (Зав. регистратурой заповедника).

Зашёл на чай к Аркадию. У него в углу каморки висит икона Николая Угодника, фигурка медного бубенчика (подношение от старого полевичка) и фотография Рогнеды Рогнедовны, главбуха санэпидстанции, вырезанная из газеты «Вестник Гигиены». Спрашиваю:

- Аркадий, это что, твой пантеон?

Он попыхтел трубкой (без табака, для солидности):

- А чё? Николай - чтоб техника не глючила. Бубенчик - чтоб память не отшибло. А Рогнеда Рогнедовна... чтоб проверки вовремя проходить и премию не лишали. Всё работает.

Вот он, истинный синкретизм! Не в высоких материях, а в том, чтоб принтер не клинило и бумаги были в порядке. Зауважал.

Запись 13-я. Кризис учения.

Попытался провести семинар «Весеннее обострение как путь к просветлению». Собрал паству (Водяного, Сергея Петровича и младшего Банника из прачечной). Говорю о вселенском Зове, о том, как мартовские сны - это порталы.

Водяной перебил:

- Котофей Игнатьич, а это... Зов... он на окрошку с квасом тянет? У меня просто желудок с весны с ума сходит.

Сергей Петрович поддержал:

- У меня тоже! И на селёдку под шубой! Это, выходит, мой дух рыбы и корнеплодов просыпается?

Банник просто спросил, есть ли в просветлении льготный тариф на помывку. Распустил паству. Истина умирает, когда её начинают мерить желудком и тарифами. Пошёл грустить в подвал. Нашёл там забытый ящик с советскими ёлочными игрушками. Сел, смотрю на стеклянную шишку. Она тоже когда-то была частью Всего (песком, может), потом стала украшением, а теперь лежит в пыли. И всё равно блестит, когда свет на неё падает. Кажется, понял что-то важное. Но записывать лень.

Запись 15-я (последняя). Осознание, или почему сгущёнка - это хорошо.

Просветление - штука надоедливая. Как муха весной. Жужжит, требует внимания, лезет в морду.

Я тут думал... Все эти мои системы, учения... Может, это я просто от скуки? От того, что миры объединились, драмы поутихли, и непонятно, куда прикладывать кошачью гениальность.

А потом зашла Марфа Петровна. Без протоколов. Просто поставила передо мной блюдце. Не сгущёнку. А тёплые, жирные, с лавровым листом, сливки от топлёного молока. Те самые, что снимают с русского печного. И говорит:

- На, поправляйся. Что-то шерсть тусклая. Болтун ты, Котофей.

И ушла.

Я пил эти сливки. Они пахли детством, которого у меня не было. Дымком, теплом, простой заботой без всяких «практик непривязанности». И я осознал. Вот оно. Несинкретический момент. Чистый, как эти сливки. Никакого смешения. Просто - тепло, данное потому, что ты есть. И ты - принимаешь, потому что оно есть.

Вся моя философия - это просто длинный, заумный путь к тому, чтобы кто-то догадался дать тебе тёплых сливок. И назвал болтуном.

А сгущёнка - это сладко. И это тоже хорошо.

Так что, пожалуй, я завершаю свой духовный путь. Объявляю школу «Пыльное Солнце» закрытой в связи с достижением конечной цели. Целью оказалось блюдце.

Теперь я буду практиковать Дзэн Мурчания. Без мантр. Без символов. Просто лежать, мурчать, и быть благодарным за сливки. Иногда - за сгущёнку.

А если ко мне придут за мудростью, я буду говорить одну фразу: «Иди отсюда. Мне спать».

Но перед уходом проверь, не стоит ли где блюдце с чем-нибудь... тёплым». Кажется, я наконец стал по-настоящему просветлённым. То есть - ленивым и довольным котом.

(На полях последней страницы, другим почерком - твёрдым, медицинским): «Коту. Твой «Дзэн Мурчания» - это, по сути, астенический синдром после духовного переутомления. Прописываю: сливки топлёные, 2 раза в день, поглаживание за ухом как профилактика философских рецидивов. И перестань писать в моих старых блокнотах. Агата».

(Ещё ниже, карандашом, почерк Лёвы):

«Теоретически, его путь от синкретического фанатизма к простому принятию «блюдца» идеально ложится в модель пост-травматического роста. Хотя «ростом» это назвать сложно. Скорее, «укладыванием в удобную позу». Но если это работает... P.S. Сливки действительно отличные».

Так завершилась великая духовная карьера Котофея. Его учение не умерло. Оно просто... свернулось клубком на тёплой печи и заснуло. Что, как считают некоторые мудрецы, и есть единственная истинная форма бессмертия.

ПРИЛОЖЕНИЕ К БЛОКНОТУ КОТА: «СУБЪЕКТИВНЫЙ ОТЧЁТ О ПРОВЕДЕНИИ ВНЕСЕЗОННОГО МЕРОПРИЯТИЯ ПОД КОДОВЫМ НАЗВАНИЕМ „ИЮЛЬСКИЙ ДЕД“»

(Запись велась урывками, между дегустацией гипотетического новогоднего оливье и отогреванием лап у искусственного камина).

Запись предпраздничная. О пользе детского эгоизма.

Маленькая Агата (та, что из Рая) увидела в учебнике картинку: ёлка, Дед Мороз, подарки. Спрашивает: «А это что?»
Оказалось, у неё в замороженном детстве не было Нового года. Она же в песке под яблоней сидела, вне времени.

У неё глаза стали как две полные луны. Сказала тихо: «Я хочу так... Чтобы все вместе. И чтобы загадать желание. Говорят, в первую новогоднюю ночь оно сбывается».

Сердце у меня, старого циника, ёкнуло. Но мозг - заработал.

Ведь это ж чистый магический канал! Незамутнённая детская вера! Это же мощнее любого ритуала! Если я незаметно подсуну ей правильное желание - например, «чтобы у Котофея Игнатьича всегда была персональная, неиссякаемая банка сгущёнки» - то вселенские силы будут обязаны исполнить! Гениально!

Побежал к Агате-большой. Говорю: «Надо устроить Новый год. Сейчас. Летом. Для ребёнка. Это терапевтично». Агата, конечно, загорелась идеей «проработать детскую травму отсутствия праздника». Легко на мякине меня провести.

Запись организационная. О союзниках и неожиданностях.

Главной проблемой была Марфа Петровна. Ну кто, кроме неё, сможет в июле:

1. Найти в закромах ёлочные игрушки (и протереть их до стерильного блеска).
2. Изготовить салат оливье, который по факту будет состоять из летних овощей, но магически считаться новогодним.
3. Установить жёсткий регламент праздника, чтобы «это безобразие не превратилось в бардак».

Мы с Агатой готовились к бою. Пришли к ней с планом. А она...

Она сидела за столом, в наушниках. На экране её планшета - клип. И не абы какой. «Dynamite» BTS. И она... подпевала. Тихо, но уверенно. И пальцем отбивала ритм по санитарному журналу!

Мы замерли как вкопанные. Марфа Петровна сняла наушники. Лицо - как гранитная плита.

- Ну? Чего встали? План показывайте. Только чтоб по СанПиНу. И чтоб без вашей ереси. А то я сама всё организую. Я в молодости, между прочим, художественной самодеятельностью руководила.

И... достала из шкафа старую тетрадку. С афишами. «Марфа Петровна и её „Волшебные голоса“ - концерт-караоке для персонала».

Открылась нам бездна. Оказалось, Марфа Петровна - тайный ARMY с 2015 года. Любит не только V, а всю «волшебную семёрку», но особенно «этого серьёзного, Намджуна, он умный очень». И коллекционирует официальные фото-карточки. Аккуратно, в альбоме, по пластиковым файликам.

Мир перевернулся. Кирпичный дзен санэпидемстанции оказался построен на фундаменте из корейского попа.

Запись кульминационная. О ходе мероприятия.

Устроили праздник в больничном саду. Марфа Петровна:

- Ёлку (горшочную сосну) украсила так, что каждая игрушка висела по отвесу. И между шарами и гирляндами вплела... маленькие фото-карточки BTS. «Для атмосферы мирового признания», - буркнула она.
- Оливье из редиса, огурца и зелёного горошка назвала «инновационным летним вариантом» и потребовала, чтобы все ели, «а то витамины пропадут».
- Была Снегурочкой. В белом медицинском халате, с короной из бинтов и светоотражающей ленты. Вид был устрашающий. Но когда зазвучала новогодняя песня - она пустилась в пляс. Точный, выверенный, как под метроном. А потом включила свой плейлист. И когда пошла «Butter»... Мы все увидели, как Марфа Петровна зажигает танцевальное караоке. Это было эпично, страшно и прекрасно. Леший плакал от смеха и восторга. Кикимора пыталась повторять движения, сбивая стерильные чепчики.

Настал момент загадывания желания. Я пристроился к маленькой Агате, готовый мысленно прошептать ей про сгущёнку. Дали сигнал. Все закрыли глаза. Тишина. И тут я услышал её шёпот. Она загадывала желание. Но не своё. Она прошептала: «Хочу, чтобы Марфа Петровна всегда смеялась так, как сейчас. Чтобы ей было весело. И чтобы кот был сыт». Я обмер. Механизм дал сбой. Дитя загадало не для себя, а для других! Это нарушало все магические и кошачьи схемы!

Открываю глаза - а Марфа Петровна стоит, слышала всё. Гранитная маска дала трещину. Потом ещё одну. И она... рассмеялась. Не сдержанно, не «тьфу-тьфу». А громко, заразительно, до слёз, хватаясь за живот. Настоящий, жуткий хохотун, заглушающий музыку. - Ох, детка... Да я уже смеюсь! С вас, с дураков! Со всего этого бардака! - выдохнула она, утирая глаза. И обняла маленькую Агату. Не как Снегурочка. Как бабушка.

Запись итоговая. Об уроках.

1. Моя. Нельзя спроецировать свою корысть на чистый источник. Он омоет тебя, но не принесёт сгущёнки. Он принесёт что-то лучшее - стыд и умиление. Что, впрочем, тоже ценно.
2. Марфы Петровны. Оказалось, можно быть и начальником санэпидстанции, и главным по танцам под BTS. И одно другому не мешает, если всё по расписанию и в отдельно взятый праздничный час.
3. Общий. Настоящая новогодняя магия - не в исполнении желаний для себя. А в том, чтобы увидеть, как твой самый строгий дракон превращается в Снегурочку-хохотуню, потому что какой-то маленький дух пожелал ему счастья. И понять, что это и есть чудо.

P.S. Сгущёнку я всё-таки получил. Марфа Петровна, ещё хихикая, вручила мне банку утром. «На, болтун. За хорошую идею с праздником. Но чтобы без крошек!»

P.P.S. Теперь у нас раз в сезон - Внеплановый праздник по заявке коллектива. Марфа Петровна составляет график, утверждает меню и... обязательную танцевальную программу. Первый номер всегда за ней. Все боятся и ждут этого одновременно. Жизнь стала непредсказуемее. И что-то в этом есть.

ПРИЛОЖЕНИЕ К БЛОКНОТУ КОТА: «ОТЧЁТ О ВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ ГИПЕР-СУЩНОСТЕЙ ИНОГО ФОРМАТА, ИЛИ КАК Я ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ПУШИСТЫМ ДИНОЗАВРОМ»

(Записи сделаны в спешке, между бегством от любопытного щупальца и наблюдением за астральной тенью).

Запись 1-я. О прибытии «родни» и её хвостатой свиты.

Приехала козочка. Нет, не метафора. Старшая дочь Агаты-Яги, Зоя, которую все зовут Козочкой за упрямый характер и вечную тягу жевать что-то несъедобное, включая чужие нервы. Работает ветеринаром-реабилитологом для «особенных» животных.

Привезла она не пирогов. Привезла двух котов-сфинксов. В картонном переноске с дырками.

Представление было театральным.

- Мам, я на лето. У меня ремонт в клинике, карантинная зона. Им тут будет... духовно. Они непростые.

Открыла переноску.

1. Балбес. Огромный, розовато-серый, как голый поросёнок, выросший в невесомости. Вес – с добрую таксу. Выходит, тычется мокрым носом-пуговкой в всё подряд. ВАУ! ШКАФ! ВАУ! ПАХНЯЩАЯ ТРАВА! ВАУ! КОТ С ШЕРСТЬЮ! (это про меня). Начал обнюхивать меня с диким энтузиазмом. Я отпрыгнул на комод. Он, не моргнув, запрыгнул следом. Комод заскрипел. В его глазах – вселенская любознательность, лишённая всякого стыда и смысла.

2. Кайя. Выходит вторым. Маленькая, тёмно-серая, почти чёрная. Кожа – бархат, натянутый на изящный каркас. Идёт не глядя. Бум – в дверной косяк. Стоит. Не моргнула. Как будто косяк был неправ, возникнув у неё на пути. Взгляд устремлён куда-то в район третьего измерения, прямо сквозь стену. Села, свернулась. И будто выключилась. Не спит. В астрале. Тишина от неё такая густая, что в ушах звенит.

Козочка Зоя, жуя соломинку (от коктейля? от сена? непонятно), выдала инструкцию:

- Балбес – ему нужно всё потрогать, лизнуть и сломать. Интеллект щенка, любопытство мартышки, тело бычка. Кайя – она... медиум. Иногда возвращается. Кормить их нужно специальной паштето-кашей, греть Балбесу лежанку, а Кайе – просто ставить миску, она найдёт, когда вернётся. Всем спасибо, я через месяц! – И укатила.

Марфа Петровна смотрела на голых пришельцев с лицом человека, оценивающего нарушение двадцати семи пунктов СанПиНа сразу. А Агата стояла, прижав руку к груди, глядя на дочь – такую же дикую и непонятную, как когда-то она сама.

Запись 2-я. Об установлении нового порядка (Беспорядка).

Избушка на курьих ножках никогда не знала такого.

1. Балбес за пару дней переизобрёл быт.

- Обнаружил, что избушка – живая. Решил с ней подружиться. Тыкался носом в пол, стены, печь. Печь, древняя духом, сначала фыркнула дымом. Балбес обрадовался, как ребёнок салютам. Теперь печь для него – большой, тёплый, пыхтящий друг. Он на ней спит, и она, кажется, тает от такой бесхитростной любви.

- Нашёл Костяную Ногу. Понял, что это палка! Стал таскать её, как добычу. Агата застала его, гордо несущего её по коридору. Вместо гнева – слёзы умиления. «Он... он с ней играет. Как ребёнок. Никто с ней так не играл».

- Правило Балбеса: Всё существует, чтобы быть изученным и слегка помятым. Занавески – чтобы за них дёргать и смотреть, как они шуршат. Миска – чтобы попробовать на зубок. Человек – чтобы залезть к нему на колени всей своей тушей и засопеть от счастья.

2. Кайя же установила правило тишины и небытия.

- Она ходит. Медленно. Натываясь на предметы, как будто они – лишь иллюзорные помехи в её внутреннем ландшафте. Её путь – таинственен. Может час сидеть перед стеной, а потом пройти сквозь неё (оказалось, там была потайная щель для сквозняка, известная только домовому).

- Она не просит еды. Она материализуется у миски в момент, когда её забывают. Съедает ровно три крошечных кусочка. Исчезает.

- Иногда её находят спящей в самых невозможных местах: в букете сушёного бессмертника, на полке между банками, внутри пустого казана. Спит она так, будто не спит, а находится в стазисе между мирами.

- Правило Кайи: Реальность – это тонкая плёнка. Сквозь неё можно провалиться. И иногда из другой реальности приносят что-то. Раз, у неё в лапке был зажат высушенный лепесток, которого не водилось в наших мирах. Леший его понюхал и побледнел: «Это... с Луны Компоста. Её там нет уже тысячу лет».

Мы положили лепесток обратно ей в лапку. Наутро он исчез.

Запись 3-я. О моей роли, или Как я стал Матриархом Пушистых.

Сначала я был в шоке. Эти... голые гастролёры! Без шерсти! Без намёка на философию!

Но потом.

· Балбес признал во мне Вожака. Не потому что я сильный, а потому что я – первый кот, которого он увидел. Он ходит за мной хвостом. Я прыгнул на подоконник – он, ломая всё на пути, пытается втиснуться рядом. Я брезгливо умываюсь – он смотрит, разинув пасть, и пытается лизнуть себе лапу в подражание. Получается хлюпкий звук и ничего более. Я... начал его учить. Медленно, с паузами на вздохи отчаяния. «Смотри, идиот, мышь так не ловят. Ты её пугаешь своим топотом динозавра». Он смотрит преданными глазами и сносит стойку с травами. Но он учится. Я чувствую странную отцовскую гордость.

· Кайа... с ней иначе. Она не признаёт иерархий. Но однажды, когда я медитировал на своё блюдце (Дзэн Мурчания, помните?), она прошла сквозь меня. Нет, не физически. Астрально. И на миг я увидел то, что видела она. Бесконечный коридор из дверей. Одни вели в знакомые комнаты, другие – в зелёные туманы, третьи – в пустоту. Она просто шла, выбирая двери случайно. Со мной она поделилась этим не специально. Просто я был на пути. С тех пор я иногда сажусь рядом, когда она «уходит». Невидимая связь. Мы – два наблюдателя. Я – за этим миром, она – за всеми сразу.

Запись итоговая. Об уроках и изменениях.

1. Для избушки: Она ожила по-новому. Балбес своей грубой, тёплой лаской заставил её скрипеть от удовольствия, как старый диван. Кайа своими провалами в астрал как бы проветривала её, открывая форточки в иные измерения. Теперь иногда в углу пахнет не сыростью, а... чужой звёздной пылью.

2. Для Агаты: Она перестала бояться сломать хрупкое равновесие. Рядом с Балбесом ничего хрупким не остаётся. И это освобождает. Она хохочет, когда он несёт её Костяную Ногу, как трофей. А с Кайой она... молчит. Просто сидит рядом, когда та в отключке. Говорит, это лучшая медитация – медитация рядом с тем, кто уже давно улетел. А ещё я подглядел, как она звонит Козочке и говорит: «Спасибо, что привезла. Это как кусочек тебя, только в форме хаоса и тишины». А та на том конце провода что-то мычит.

3. Для Марфы Петровны: Она составила для котов расписание. «С 8:00 до 10:00 – активные исследования (Балбес). С 10:00 до 18:00 – тихий час/астральные практики (Кайа). С 18:00 до 20:00 – приём пищи и

гигиенические процедуры». Балбес, конечно, разнёс расписание в клочья в первый же день, зато Кайа, кажется, его соблюдает. Марфа даже связала Балбесу свитерок (чтобы не мёрз, дурак бесшёрстный), а для Кайы – крошечный тёплый лежак, который та игнорирует, предпочитая спать в дуршлаге.

4. Для меня: Я осознал, что моя мудрость – это просто возрастная шерсть. Есть мудрость простоты (Балбес) и мудрость абсолютного ухода (Кайа). И они обе – чисты. Я теперь что-то среднее. Не пушистый диктатор, а... старший брат в странном приюте для особенных душ. Это непросто. Но когда вечером Балбес, набегавшись, валится мне на бок с сопением, а Кайа материализуется в трёх сантиметрах от нас и тихо мурлычет на частоте, которую слышно только печи и мне... Я понимаю, зачем Козочка привезла их сюда.

Не для реабилитации. Для заражения. Заразить нас всех простой, грубой радостью бытия и тихой тайной не-бытия. И это, чёрт возьми, работает.

P.S. Балбес сегодня впервые поймал солнечного зайчика. Не поймал. Он с ним подружился. Пытался его лизнуть. Теперь лежит, греет брюхо, и зайчик прыгает у него на животе. Кайа сидит в углу и смотрит прямо на нас. Но я уверен, она видит, как этот солнечный зайчик танцует одновременно в семи параллельных реальностях. И ей, наверное, тоже хорошо.